

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

ПАТРИЦИЯ

ВЕНТВОРТ

УБИЙСТВО
В ЛЕТТЕР-ЭНДЕ

ПРИЮТ ПИЛИГРИМА

Мисс Сильвер

Патриция Вентворт

**Убийство в Леттер-Энде.
Приют пилигрима (сборник)**

«АСТ»

1946, 1947

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Вентворт П.

Убийство в Леттер-Энде. Приют пилигрима (сборник) /
П. Вентворт — «АСТ», 1946, 1947 — (Мисс Сильвер)

ISBN 978-5-17-089389-8

Молодую хозяйку поместья Леттер-Энд, красавицу Лоис, находят мертвой... Кто из многочисленных членов эксцентричного семейства мог подсыпать отраву в ее кофе? Полиция выясняет, что Лоис ненавидела вся женская половина семьи. А по завещанию все деньги достаются ее мужу Джимми... Однако Мод Сильвер уверена: разгадка тайны убийства в Леттер-Энде кроется не в деньгах и не в завещании, а в отношениях между его обитателями. ... Об усадьбе «Приют пилигрима» ходят скверные слухи: все его владельцы, собиравшиеся продать имение, становились жертвами несчастных случаев. Но слухи слухами, а когда нынешнему хозяину, отставному майору Пилгриму, чудом удастся избежать гибели при загадочных обстоятельствах, ему хватает здравого смысла обратиться за помощью к Мод Сильвер. Расследование начинается...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-089389-8

© Вентворт П., 1946, 1947
© АСТ, 1946, 1947

Содержание

Убийство в Леттер-Энде	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	26
Глава 7	29
Глава 8	31
Глава 9	33
Глава 10	37
Глава 11	41
Глава 12	47
Глава 13	51
Глава 14	54
Глава 15	60
Глава 16	64
Глава 17	66
Глава 18	70
Глава 19	75
Глава 20	81
Глава 21	84
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Патриция Вентворт Убийство в Леттер-Энде. Приют пилигрима (сборник)

Patricia Wentworth

LATTER END

PILGRIM'S REST

Печатается с разрешения наследников автора и литературного агентства Andrew Nurnberg.

© Patricia Wentworth, 1946, 1947

© Перевод. Д. Вознякевич, 2016

© Перевод. А. Анваер, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Убийство в Леттер-Энде

Глава 1

Когда миссис Леттер вошла в комнату, ей показалось, что там темно – из-за того, что все в ней было черным. Ковер на полу, обои на стенах, длинные прямые шторы были бархатно-черного цвета. Но комната оказалась не такой темной, как она подумала. В одно незанавешенное окно лился свет. Лоис Леттер оказалась лицом к этому свету, усевшись напротив человека, называвшего себя Мемноном. Между ними стоял маленький, накрытый черной бархатной скатертью стол, и по контрасту с ним старик в кресле казался очень большим.

Сев на указанное место, миссис Леттер посмотрела на него с любопытством. Если этот человек думал, что может поразить или напугать ее своими уловками, то он ошибался. Напрасно она сюда приехала. Но когда все твои подруги что-то делают, делаешь и ты. В противном случае о чем же тогда разговаривать? О Мемноне все вели разговоры. Он высказывал совершенно потрясающие вещи. Описывал прошлое и предсказывал будущее. Умел представить настоящее интересным и значительным, а не унылым и скучным.

Лоис смотрела на Мемнона в упор и почти ничего не видела на свету, кроме его силуэта и очертаний кресла. Кресло стояло симметрично к окну, выделялось на его фоне – высокая дуговая спинка, крепкие расширяющиеся подлокотники. Над спинкой возвышалась голова старика в бархатной шапочке. Лоис не знала, почему так уверена, что он старик. На это не указывал ни его голос, ни фигура. Никто не называл его стариком, просто создавалось такое впечатление. Из-за бьющего в глаза света Лоис не могла разглядеть его лица, видела только светлый, расплывчатый овал – гораздо выше, чем можно было ожидать. Видимо, Мемнон отличался высоким ростом, и еще у него были довольно длинные руки.

С этими мыслями Лоис поставила сумочку на колени, откинувшись назад и непринужденно улыбнулась. Далеко не каждая женщина ее возраста могла сидеть лицом к свету с таким хладнокровием. Однако тридцать семь лет ничего не отняли от великолепия ее гладкой кожи, лишь улучшили цвет лица, его черты, овал и сделали ее гораздо привлекательнее, чем в двадцать лет. Госпожой себе, своим мыслям, своей жизни. И в значительной мере госпожой Джимми Леттера, его мыслям и его жизни.

Продолжительное молчание вызвало у нее легкое презрение. Чтобы лишить ее самообладания, темной комнаты и пристального взгляда старика недостаточно. Миссис Леттер еще не знала положений или обстоятельств, над которыми была бы не властна. Она безмятежно шагала по жизни, вышла замуж во второй раз. Джеймс Даблдей оставил ей деньги. Осложнения с его завещанием были успешно преодолены. В преемники ему Лоис избрала Джимми Леттера и знала, что сделала верный выбор. Все иметь невозможно, и завещание тогда еще не утвердили. Энтони бывал очень обаятельным – когда хотел. Но ведь не свяжешь свою жизнь с бедным кузеном, когда можно выйти за богатого – в тридцать пять лет уже понимаешь, что, если достанет ума, можно иметь мужа и не терять любовника.

Нельзя сказать, что Джимми богат – денег у него оказалось гораздо меньше, чем ей представлялось. Но, к счастью, с завещанием Джеймса Даблдея все обошлось, а Леттер-Энд был предметом ее мечтаний – небольшая, красивая, не тронутая войной усадьба нуждалась только в деньгах, и теперь Лоис сможет их на нее потратить.

Если бы только усадьба принадлежала Энтони... Но это еще возможно...

Эта мысль легко пронеслась в ее сознании. После визита к Мемнону Лоис собиралась пообедать с Энтони. Улыбка ее стала совершенно естественной.

Неожиданно миссис Леттер заметила, что Мемнон неотрывно смотрит на нее. Его глаза были глубоко посажены и казались черными. Он произнес низким шепотом:

– Дайте мне свою руку – обе руки.

Лоис Леттер заколебалась. Басовитый шепот вызвал в комнате странные отзвуки. На столе между ними лежал хрустальный шарик. Свет из окна падал на его сторону, и шар сиял, как полумесяц. Лоис опустила на него взгляд.

– Вы не смотрите в шарик? Я думала, вы им пользуетесь. Потому и приехала.

Старик поднял руку, и шарика не стало. Лоис не разглядела, что с ним произошло. Полумесяц погас. Когда Мемнон пошевелился, ей показалось, что шевелится и ткань плаща. Старик снова прошептал:

– Дайте мне свои руки.

Лоис вытянула их так, словно что-то отталкивала, и он встретил их своими – ладонь к ладони, палец к пальцу, вертикально, как сложенные в молитве руки. Его и ее. Две пары рук. Соприкосновение было покалывающим. Покалывание прошло по ее рукам и по всему телу вниз, к ступням. Дыхание ее участилось. Лоис хотелось заговорить, отодвинуться. Но впервые в жизни она не сделала того, что хотела. Сидела неподвижно, терпела соприкосновение и покалывание. Не могла отвести взгляда от его глаз. Было ощущение контакта, ощущение, что ее исследуют, обыскивают.

Потом все это вдруг прекратилось. Мемнон опустил веки, отвел руки, откинулся назад и сказал:

– Вам нужно очень беречься.

Ее что-то встревожило – что-то в его интонации, в очень низком, еле слышном голосе. Лоис убрала руки со стола, сложила их на коленях и поинтересовалась:

– Чего мне беречься?

Мемнон ответил:

– Яда.

Это слово будто прошелестело в воздухе. Миссис Леттер почувствовала, как оно завибрировало где-то глубоко в ее сознании. Она подождала, когда вибрация пройдет, и спросила:

– Что вы имеете в виду?

– Что вам нужно беречься.

– Яда?

– Совершенно верно.

– То есть кто-то попытается отравить меня? Так вас понимать?

Мемнон произнес немного громче:

– Может быть... – В его голосе прозвучала нотка сомнения.

Она подумала: «Он ничего не знает определенно – только догадывается. Это ерунда». Вслух спросила:

– И это и все? Какой смысл в совете беречься, если вы не говорите ничего больше?

Старик долго медлил с ответом.

– Всем нам нужно охранять дом своей жизни. Как вам охранять свой, сказать не могу. Могу лишь предупредить, что он под угрозой.

– Ему угрожает яд?

– Да.

– Какой?

– Этого я сказать не могу. Есть много разновидностей. Одни угрожают душе, другие телу. Так что берегитесь. Я могу только предостеречь вас.

Лоис выпрямилась и спокойно заговорила, стараясь не поддаваться подспудно возникшему страху:

– Думаю, вы должны сообщить кое-что еще. Кто мне угрожает?

- Кто-то, находящийся рядом.
- Мужчина или женщина?
- Мужчина... женщина... видимо... не знаю. Возможно, это вы сами. Яд очень близок – вы связаны с ним.

Лоис засмеялась. Ее смех всегда вызывал восхищение. Сейчас он, как колокольчик, серебристо звенел в комнате.

- Поверьте, я не собираюсь травиться.

Мемнон произнес так тихо, что она едва расслышала:

- Существует не один вид яда.

Глава 2

Энтони Леттер, стоя у колонны, видел, как Лоис входит во вращающуюся дверь и идет по вестибюлю к внутреннему салону ресторана «Люкс». Он не спешил ей навстречу. Всегда было приятно наблюдать, как Лоис входит в помещение – у нее была очень красивая походка, и держалась она так, словно приобрела всю землю. Землю и Джимми Леттера. Губы его слегка сжались. Бедняга Джимми. Каково чувствовать себя приложением к кому-то? Не слишком приятно, однако небеса помогают лишь тем, кто сам себе помогает. Так или иначе, здесь была Лоис, цветущая, в черном костюме, подчеркивающим ее стройность и цвет кожи. Белая камелия, символ безупречной жизни, вставлена в ее петлицу под новым, самым удачным углом, и волнистые, золотисто-каштановые волосы уложены по последней моде. Пойдя навстречу ей, Энтони подумал, что ни разу не видел ее прическу в беспорядке. Другие женщины бывали возбужденными и неряшливыми, у них выбивались пряди волос, носы блестели, но у Лоис – никогда. По иронии судьбы на ум ему пришли стихотворные строки Бена Джонсона¹:

Как же на пир не нарядиться,
Напудриться и надуться,
Чтоб впечатленье создавать...

Пожимая ей руку, он подумал, осмелится ли процитировать эти строки Лоис. И если да, вспомнит ли она продолжение.

Но, леди, нужно меру знать...
Все слишком выпренне, кричаще.

Собственно говоря, Бену та леди нравилась неряшливой.

Энтони чуть не рассмеялся вслух и подумал, что лучше вести себя сдержанно. Раньше они с Лоис откровенно флиртовали, но теперь времена изменились, и она стала женой Джимми.

Когда они шли к обеденному залу, одно из больших зеркал отразило их бок о бок. Лоис подумала, что они представляют собой красивую пару. Высокий, стройный Энтони выглядит замечательно. Лучше, чем два года назад. Ему двадцать девять лет – в этом возрасте мужчины выглядят лучше всего. Она старше его на восемь лет, но об этом никто не догадается. Возраст не властен над ее красотой. Никто не даст ей больше двадцати семи. Никто не подумает, что она старше Энтони, с удовольствием отметила Лоис.

Они подошли к своему столику и сели, продолжая серьезный разговор под видом легкого обмена любезностями. Действительно ли Энтони снова в форме? Как ощущается уход из армии после пяти лет службы? Понравится ли ему работа в издательской фирме?

– Ты – и книги? Скучноватая работа! – Ослепительная улыбка превратила ее слова в комплимент.

Энтони холодно заметил:

– Знаешь, я люблю книги – и притом очень.

И подумал, с какой горячностью он выложил бы ей все свои планы два года назад. Теперь же это представлялось невероятным.

Лоис сказала, по-прежнему глядя на него и по-прежнему улыбаясь:

¹ Бенджамин Джонсон (1573–1637) – английский драматург.

– Уверена, дорогой, что ты добьешься большого успеха.

Слово «дорогой», пусть и ничего не значащее в ее устах, покорило его. Энтони отозвался:

– Наверняка буду повсюду находить бестселлеры.

Лоис засмеялась:

– Ты ничуть не изменился.

– Вот как? Позволь ответить тебе комплиментом на комплимент. Ты выглядишь замечательно. Правда, всегда так выглядела.

– Спасибо, дорогой! Но все-таки не всегда, тебе не кажется? Боюсь, что в определенном возрасте.

– Тебе не нужно беспокоиться об этом.

– Не глупи, – сказала она совершенно естественным тоном.

Вот это хуже всего – очень легко быть естественной с Энтони. Так было всегда. Как Лоис с этим ни боролась, существовало искушение дать себе волю, расслабиться, перестать играть роль и стать собой – такой собой, какой Энтони, видимо, ничуть бы не восхищался.

Она засмеялась своим приятным смехом:

– Дорогой мой, если я выгляжу хотя бы хорошо, это настоящее чудо. У меня только что произошла потрясающая встреча.

– Вот как? Послушай, я заказал обед – примешь ты его таким, как есть?

– Да, конечно. Ты должен знать, что мне нравится, – если не забыл. Но право, дорогой, насчет потрясающей встречи я серьезно. Я была у Мемнона.

Он спокойно посмотрел на нее.

– У Мемнона?

Не успела она ответить, как официант принес рыбу. И в эту минуту Лоис вдруг осознала, что была последней душой, оставив Энтони.

Когда официант ушел, Лоис принялась взахлеб рассказывать о Мемноне, так как ни за что на свете нельзя было допустить молчания. Что-то во взгляде Энтони, в его сухом, легком тоне проникло сквозь ее защиту и потрясло так, как ничто не потрясало долгие годы. Нужно говорить, интересно рассказать о своем посещении, вновь обрести чувство контроля над ситуацией.

Когда Энтони сказал: «Тот самый шарлатан!», она едва не рассмеялась.

– Возможно. Но, дорогой, как это было увлекательно! Вполне стоило тех денег, что я ему заплатила.

Энтони приподнял брови – странно изогнутые брови, черные на смуглом, насмешливом лице. Глаза под ними тоже казались черными, пока на них не упал свет, и стало видно, что они серые.

– И много ты заплатила ему?

– Десять фунтов. Только никому не говори, ладно? Мы в очень стесненных обстоятельствах, дом нуждается в ремонте, но к Мемнону ходят все, и лучше умереть, чем отстать от жизни. Собственно говоря, думаю, я несколько лет была мертвой – война и все прочее. Но теперь... – она встретила с ним взглядом, – я оживаю вновь.

– Очень интересное ощущение. И что этот фокусник сказал тебе?

Лоис откинулась на спинку стула. Не стоит брать его натиском, он всегда терпеть этого не мог. Лучше продолжать рассказ о Мемноне. Она произнесла дрожащим голосом:

– Он был... жутковатым.

– Обычный прием.

– Нет, правда. Он прямо-таки напугал меня.

Энтони слегка удивился:

– Должно быть, ловкач. Что он делал – или говорил?

Он пристально посмотрел на Лоис. Ее природный румянец сменился бледностью. Кажется, этот шарлатан действительно напугал ее. Раньше Энтони не думал, что это возможно, но Мемнону, очевидно, удалось. Ему не пришло в голову, что бледность Лоис как-то связана с ним.

Снова появился официант с подносом. Когда он отошел, Лоис очень тихо произнесла:

– Это было страшно.

– Только не говори, что он приставал к тебе! Однако уверен, ты вполне могла дать ему отпор. Осадить фокусника было бы новым впечатлением – а для чего еще стоит жить? Неужели скажешь, что потеряла самообладание?

– Ничего подобного не было. И я серьезно говорю – это было страшно.

Его брови приподнялись:

– Только не говори, что он вызвал призраки всех несчастных, кого ты пронзила взглядом или заморозила неприступностью!

Лоис очень тихо проговорила:

– Я серьезно.

– Ты ждешь, что я стану ободрять тебя, втыкать соломинки в волосы – они испортят твою прическу – и стонать в такт варварской мелодии, которую сейчас исполняет оркестр? Мы попадем в колонку светской хроники, если ты этого хочешь: «Майор Энтони Леттер, только что поступивший в издательскую фирму, основанную его знаменитым двоюродным дедушкой Изикиелом»...

Лоис перебила его мягким, обиженным голосом:

– Я хочу рассказать тебе об этом. Будешь слушать?

Она была бледной, трогательной. Такой он ее ни разу еще не видел.

– Так что же этот тип сообщил тебе?

Лоис так понизила голос, что Энтони едва ее слышал:

– Он сказал... мне нужно беречься... яда.

Энтони откинулся на спинку стула.

– Какое странное заявление!

– Да, так ведь? Не очень приятное.

– Совершенно неприятное. С чего он это взял?

Румянец ее возвращался – чистый, яркий, больше всего украшавший ее. Однако без него она выглядела моложе.

«Странно», – подумал Энтони.

Лоис ощутила странное облегчение. Теперь он внимательно смотрел на нее, внимательно слушал. Она рассказала ему больше, чем собиралась рассказывать – ему или кому бы то ни было.

– Он говорил очень странные вещи. Сказал, что кто-то хочет отравить меня – совершенно всерьез.

– Еда здесь не настолько скверная.

– Оставь свои шутки. Это было ужасно. Испугать меня нелегко – ты это знаешь. Но он... почти... испугал.

– Хотел, чтобы у тебя по коже побежали мурашки, и, похоже, добился своего.

Лоис покачала головой:

– Не совсем. Но не очень приятно слышать, что кто-то – находящийся рядом – хочет тебя отравить.

– Он так сказал?

– Да, так – кто-то находящийся рядом. Но не сказал, мужчина это или женщина. Ответил, что не знает. Знаешь, он даже сказал, что, возможно, это я сама. – Лоис нервно засме-

ялась. – А я ответила, что ни в коем случае не стану травиться. Я слишком люблю жизнь, чтобы от нее отказываться.

– Да – думаю, любишь.

Лоис взяла сигарету и подалась к Энтони, чтобы прикурить. Когда кончик сигареты засветился красным и между ними поднялся дымок, она с недоумением произнесла:

– Он сказал очень странную вещь – что существует не один вид яда.

– Как банально – и как верно!

– Тогда это не показалось банальным.

Энтони засмеялся:

– Этот человек обладает чарами – иначе женщины не платили бы ему по десять фунтов.

Лоис недовольно нахмурила слегка выщипанные брови.

– Он очень старый – ничего подобного не было... Ладно, давай поговорим о чем-нибудь другом.

Глава 3

Энтони вышел из ресторана и сел в автобус. Ему определенно требовалось сменить обстановку.

Выйдя из автобуса, он пошел к одному из многоквартирных домов, выстроенных перед войной для конторских служащих. Этот дом не пострадал от войны и, если не считать стекол и окраски, был таким же, как по завершении строительства в 1938 году. В доме был автоматический лифт, и Энтони поднялся в нем на пятый этаж, нажал кнопку электрического звонка, и дверь ему открыла Джулия Уэйн.

Джулия и ее сестра Элли Стрит были дочерьми мачехи Джимми Леттера от второго брака. Энтони и Джимми были двоюродными братьями по линии Леттеров. Когда девочки росли в Леттер-Энде, а Энтони проводил там все свои свободные дни, между ними установились своеобразные отношения близости, привязанности, фамиллярности, способные развиться во что угодно от презрения до любви. Собственно говоря, они представляли собой широкую раму, пригодную почти для любой картины.

Возможно, Энтони думал о Джулии, когда сравнивал Лоис с менее удачливыми женщинами, которые могут становиться возбужденными и неряшливыми. Открывающая ему дверь Джулия была именно такой. Ее вьющиеся темные волосы оказались взъерошенными, нос был испачкан в чернилах. Разумеется, будь волосы прямыми, это смотрелось бы хуже, но ни одна девушка не выглядит лучшим образом, изображая пугало. Настроение у самой Джулии немедленно испортилось. Она ожидала рассыльного от булочника и даже не вытерла с лица чернила, – а за дверью оказался Энтони, в которого она влюбилась два года назад... Этого было достаточно, чтобы воспламенить и самый мягкий характер, а Энтони вдобавок только что обедал с Лоис. Конечно же, Джулия изгнала его из сердца – это возможно, когда поставишь себе такую цель. Любовь умерла. Последний раз они виделись два года назад. Посмотрим, шевельнется ли мертвое чувство в своем саване.

Энтони поймал ее сердитый взгляд через порог и подумал, что за прошедшие два года она почти не изменилась. Пусть и не в самом лучшем виде, однако это была все та же Джулия. Высокий лоб, крепкий подбородок, но кости изящные, а между лбом и подбородком темные глаза с густыми ресницами, способные быть страстно радостными или страстно горестными. Джулия была максималисткой, и теперь ее взгляд казался страстно озлобленным.

Энтони положил руку на плечо Джулии, смеясь, развернул ее, вошел в комнату вместе с ней и закрыл за собой дверь.

Передней там не имелось, была одна большая комната, разделенная перегородками на ванную, гостиную, кухню. Стоял диван, определенно служивший по ночам кроватью. Были два удобных кресла. Простой крепкий стол оказался завален рукописями, в остальном же комната выглядела на удивление прибранной, цвета в ней были приятными – темными, густыми, спокойными. На полу лежали две ковровые дорожки. Энтони понравилась комната Джулии, он даже хотел сказать ей об этом, но передумал.

– Дорогая, у тебя нос в чернилах.

Она сразу же вспыхнула. Все та же прежняя Джулия.

– Если приходишь, когда я работаю, принимай меня такой, как застал. Ты и раньше видел меня с измазанным чернилами носом!

– Видел. Но, как не раз указывал, без чернил ты выглядишь лучше.

– Мне все равно, как я выгляжу!

– Дорогая, к сожалению, это очевидно. Причешись, умойся, а потом можешь посвятить меня в семейные дела.

– Некогда мне, – сказала Джулия. Но ее вспышка уже угасла. Внезапно ей больше всего захотелось где-нибудь укрыться от насмешливого взгляда Энтони.

Она вошла в одну из комнатушек. Когда вышла, чернил на носу не наблюдалось, а волосы были аккуратно причесаны.

– Честно говоря, я не ждала тебя так скоро. Обед с Лоис обычно занимает больше времени.

– Откуда ты знаешь, что я обедал с ней?

– Разве ты не говорил мне? Нет, это она сказала – неужели Лоис промолчит!

– Дорогая, это похоже на женскую неприязнь.

– Это и есть неприязнь.

В ее глазах заискрилась насмешка и тут же угасла. Какой смысл говорить Энтони о Лоис? Он был увлечен ею два года назад, и даже если теперь увлечение прошло, возможно, он лелеет память о ней. Мужчины сентиментальнее женщин. И всегда, всегда, всегда терпеть не могут, если одна женщина дурно говорит о другой.

Джулия рассмеялась.

– Над чем ты смеешься?

– Над нами, – ответила она.

– Почему?

– Тебя как будто не было здесь две минуты, а не два года.

– Потому что я сказал тебе о чернилах? Так это же по-свойски.

Джулия кивнула. Когда она не злилась на него и не страдала от сердечных мук, между ними быстро возникало то взаимопонимание, что использует слова, но вряд ли нуждается в них. Сейчас она не сердилась, и сердце ее билось спокойно. Она чувствовала себя юной и счастливой, словно время унеслось вспять на двенадцать лет, Энтони приехал домой на каникулы и входил на чай в ее классную комнату. Джулия умывалась и причесывалась, и пока мисс Смизерс была там, они вели себя в высшей степени чинно, но как только чаепитие заканчивалось, могли взять и удрать в сад...

Они сели рядом на диван: Энтони в прекрасном новом костюме, стоившем, должно быть, целое состояние, и Джулия, уже не маленькая девочка, трудолюбивая писательница, в старом красном халате, испачканном чернилами, как недавно ее нос.

Энтони спросил:

– Ну, как тут все – и все?

– Ты не виделся с Джимми?

– Нет. Я звонил ему. Через день-другой поеду в Леттер-Энд. Хотел узнать, будешь ли ты там.

Джулия свела свои черные брови.

– Возможно, придется поехать. Только не хочется. Послушай, что тебе говорила Лоис? – Она полезла под диванную подушку, вытащила пачку сигарет. Протянула ему. – Закуривай.

– Спасибо, я курю свои.

– Эти недостаточно хороши для тебя?

– Ты высказываешь то, что у меня на уме. Сдержи гнев, дорогая, и закури одну из моих.

Если Джулия хотела рассердиться, подобное желание прошло. Вместо этого она рассмеялась. Энтони демонстрировал свою обычную манеру вызывать ее на словесный поединок, только сейчас ей этого не хотелось.

Энтони зажег спичку и поднес ей огня. Их губы оказались совсем близко. Сердце Джулии с мучительной неожиданностью зачастило. «О Господи, все начинается снова! Как ужасно быть женщиной!»

Она откинулась назад и нахмурила лоб. Лицо ее закаменело, мышцы напряглись, а подбородок приобрел резкие очертания.

– Что тебе говорила Лоис? – повторила она.

Энтони затянулся сигаретой.

– От нее и Джимми я узнал, что в Леттер-Энде состоится обычная семейная вечеринка. Элли и Минни живут там, так ведь?

– Да, там!

– А что ты имела в виду, говоря, что *придется* поехать?

Джулия выпустила струйку дыма.

– Лоис сказала тебе, как она ведет дом?

– С ее слов я понял, что там царит общинный дух – один для всех, все для одного.

– Ты считаешь, что Лоис проникнута общинным духом?

– Честно говоря, нет. Но она довольно восторженно говорила о прелести этих отношений.

Джулия, хмурясь, пристально смотрела на него.

– Сказала она, кто там занимается работой?

– Насколько я понял, миссис Мэнипл все еще трудится на кухне, но почти без помощников.

– Из деревни приходит девочка, она из семьи Пеллов, очень славное дитя. Даже Лоис не может ожидать, чтобы Мэнни мыла все эти каменные полы.

– Она сказала, что Мэнни уже не справляется с работой.

– Мэнни готовит замечательно, но Лоис уволит ее, как только найдет кого-то другого. Мэнни ненавидит ее, и она это знает. Конечно, она уже старая. Помнит, как крестили Джимми.

– Так, ему сейчас сколько – пятьдесят один год?

– Она была тогда судомойкой – значит, ей около семидесяти. Сейчас Джимми противится ее увольнению, но ему не устоять против Лоис. Так, это кухня. Говорила она, кто делает остальную работу? – Джулия подалась вперед, глаза ее сверкали. – Раз в неделю из деревни приходит миссис Хиггинс, помощник садовника насыпает в ведра уголь, а всю прочую приятную работу по дому выполняют Минни и Элли! Будет тебе Лоис трудиться!

Энтони пробормотал:

– Один для всех, все для одного...

– Все для Лоис, – резко произнесла Джулия. – Ты обедал с ней. Похоже по ее рукам, что она занимается какой-нибудь домашней работой? У Элли были такие красивые руки...

– Ну так почему они это терпят? Почему не уволятся и не найдут приличную работу?

Джулия затянулась сигаретой.

– Какую работу может найти Минни Мерсер? Она ничему не училась, а ей скоро стукнет пятьдесят. Безвылазно жила в Рейле, а после смерти доктора Мерсера поселилась в Леттер-Энде. Она душка и ангел, только не нужно делать вид, будто она может позаботиться о себе. Об нее все вытирают ноги. Пока домом управляли Джимми и мама, это не имело значения, они любили ее, и она была рада служить им. В службе Лоис хорошего мало.

Голос ее затих, но глаза продолжали говорить. Они яростно бросали вызов: «Ну, давай! Встань на ее защиту! Скажи, как прекрасно будет стать половой тряпкой для Лоис! Скажи, как тебе самому это нравилось два года назад!»

Энтони молчал. Слегка изогнул губы в саркастической улыбке и ждал, чтобы Джулия поняла по его молчанию, что ведет себя глупо. Когда на ее щеках выступил предательский румянец, он заговорил:

– Насчет Минни я с тобой согласен – ей деваться некуда. Но Элли могла бы найти работу, разве не так?

– Не станет искать – из-за Ронни. По-моему, им не стоило вступать в брак, ничего не имея, но они были по уши влюблены друг в друга, все вокруг создавали семьи, поэтому и они тоже поженились. Ронни изучал управление имением под руководством агента старого полковника Фортескью, и работа ему была, в общем, обещана, но тут мистер Банкер ушел на покой. Теперь, когда Ронни лишился ноги, устроиться ему нелегко. Полковник Фортескью очень порядочен – он будет сохранять это место, сколько сможет. По-моему, он сам управляет имением, но ему это уже не по силам. Старый Банкер умер перед самым концом войны, и беда в том, что работать Ронни не в состоянии – его все еще мучают сильные боли, и ему пока нельзя сделать протез. Он лежит в госпитале в Крэмптоне, и Элли может ездить к нему два-три раза в неделю. Вот что держит ее в Рейле, из-за этого она работает по дому вдвое больше, чем следует, и дальние поездки на велосипеде выбивают ее из сил. Она буквально превратилась в тень.

Пикировка между ними прекратилась. Джулия говорила, а Энтони слушал, словно они по-прежнему были членами одной семьи, жили в одном доме, и никакая Лоис не нарушала его покой, не рвала семейные узы. Он сказал:

– Понимаю. И Элли непробивная – всегда была такой.

– Все женщины не могут быть пробивными. И, по-моему, мужчины не любят таких.

– Не любят, если только это не скрывается самым тщательным образом.

Джулия посмотрела на него с презрительной усмешкой.

– Вот-вот! Помню, как ты говорил, что я никогда не выйду замуж, если не прикрою бархатной перчаткой свою железную руку. Что ж, мужа у меня нет.

Энтони умиротворяюще улыбнулся:

– А ты и не хочешь мужа. Видишь, я знаю все ответы. Ты ненавидишь, терпеть не можешь и презираешь мой злополучный пол, и вовсе не мечтаешь связать свою судьбу с кем-нибудь из мужчин. Но поверь, дитя мое, самые свирепые мужененавистницы хотят сознавать, что при желании могли бы заполучить одно из этих презренных существ. Например, в старости тебе сможет служить утешением воспоминание, скольких ты отвергла. Ты ведь будешь отвергать нас?

– А как ты думаешь?

– Ну, не знаю, а хотел бы знать. Разумеется, из чистого любопытства. Допустим, я скажу: «Дорогая, я страстно люблю тебя». Как ты отреагируешь?

Смелости и честности Джулии было не занимать. Смелость оказалась на высоте, но честность подкачала. Она с приятным удивлением услышала свой смех и слова:

– Когда полюбишь меня страстно, тогда узнаешь.

Энтони произнес каким-то странным голосом:

– Этот вопрос откладывается. Пожалуй, нам лучше вернуться к Элли. Какие-то деньги у Стрита есть?

Джулия, будто бы запыхавшись после быстрого бега, сделала глубокий вдох.

– У них есть около трехсот фунтов, и они берегут их, как помешанные, чтобы обставить свой дом, если Ронни получит работу у полковника Фортескью. Дом у них есть, но без обстановки.

– Скоро ли Стрита выпишут из госпиталя?

– Они не знают. Собственно, потому я туда и еду. Слушай, не говори никому об этом, но Элли думает, что Ронни из госпиталя выпишут, если ей будет куда забрать его. Старшая медсестра сказала ей об этом, когда она в последний раз была там. Видишь ли, ему нужен дом. Они думают, что если будут жить вместе, это пойдет ему на пользу. Вопрос в том, можно ли это устроить?

– Джимми...

– Дело не в Джимми, и ты это знаешь. Дело в Лоис. Джимми, не колеблясь, скажет да, но если Лоис скажет нет – значит нет. Ты думаешь, я не могу быть справедлива к ней, но я стараюсь, как могу. С моей и Элли точки зрения, Джимми наш брат, и Леттер-Энд всегда был нашим домом. С точки зрения Джимми, Элли и я его сестры, он нас очень любит, и Леттер-Энд по-прежнему наш дом. Но с точки зрения Лоис, мы никто, вообще не родственники. Лоис считает, что мачеха Джимми ушла, вышла замуж за человека по фамилии Уэйн, а когда он погиб в автокатастрофе, вернулась в Леттер-Энд, родила близнецов и, пользуясь добротой Джимми, вырастила их там. Лоис полагает, что Джимми проявляет прискорбную слабость в этой истории. По крайней мере, когда мама умерла, он мог выгнать нас, чтобы мы сами зарабатывали себе на жизнь, а вместо этого делает вид, будто мы его сестры и будто ему нравится, что мы живем там. Видишь, я стараюсь быть совершенно справедливой.

Энтони лениво выпустил струйку табачного дыма.

– Да, совершенно.

– Знаешь, я понимаю ее точку зрения. Она вышла замуж за Джимми, а не за близнецов – дочерей его мачехи. Меня бесит ее двуличие – убеждает Джимми, что она ангельски терпит там Элли, а сама обходится с ней как с уборщицей, заставляет до смерти работать. Знаешь... – Голос Джулии сильно задрожал, – не будь у меня решительности и многих других качеств, на твой взгляд, не подобающих женщинам, я, возможно, сама работала бы судомойкой в Леттер-Энде.

Энтони выпустил очередной клуб дыма.

– Дорогая, это вполне достойное женское занятие.

Взгляд его обратился к рукам Джулии, лежавшим на коленях поверх старого красного халата. На правом указательном пальце синело пятно не до конца смытых чернил. Ногти очень красивой формы не знали лака. На пальцах не было колец. Руки были такими, как их создала природа, а создала она их превосходно. Они были не маленькими, не белыми, но очень красивыми.

Энтони неожиданно выпалил:

– Нет!

– Что нет?

– Я забыл о твоих руках. Пусть все женщины с отвратительными пурпурными ногтями поработают судомойками – это пойдет им на пользу! У тебя вторые – нет, третьи – по красоте руки в Европе. Первые две пары у скульптур. И если ты не станешь ухаживать за ними, то окажешься в особом круге ада, существующем для тех, кто уничтожает произведения искусства.

Джулия сказала то, что раньше не приходило ей в голову:

– Как жаль, что мое лицо не гармонирует с ними.

Эти слова вырвались у нее невольно, оставив чувство, будто она приоткрыла некую дверь и что-то выпустила наружу.

Энтони покачал головой:

– Дорогая, ты нашла бы это очень неудобным – тебя окружали бы толпы на улицах. Оставь классическое совершенство музеям, тебе было бы не по себе на холодном белом пьедестале. Давай вернемся к делам. Когда, сказала, ты едешь в Леттер-Энд?

– Я не говорила. Еще не приняла решения.

– Может, поедешь вместе со мной в пятницу?

Джулия немного помолчала. С сигареты на халат упал пепел. Она раздраженно смахнула его и сказала:

– Возможно. Я еще не сообщила Лоис, что приезжаю.

– А нужно сообщать?

Джулия кивнула:

– Да, нужно. Обычно я там не остаюсь. – Она говорила больше, чем собиралась. – Собственно, я не оставалась там с тех пор, как Джимми на ней женился. Мы... – Она сделала паузу, – недолюбливаем друг друга.

– Ты меня удивляешь.

Ответом ему был сердитый взгляд. Джулия подалась вперед и, взяв окурок, словно дротик, с силой бросила его в камин.

– Удивляю? Ну, ладно же, скажу откровенно! Я ее смертельно ненавижу!

Глава 4

Элли Стрит накрывала на стол к ужину. Поскольку должны были приехать Энтони и Джулия, она особенно старалась. Радующие глаз цветы стояли в вазе из старого стекла – более красивого, чем серебро, – и все было начищено до блеска. К сожалению, придать блеск себе она не могла. Голландское зеркало между портретами прадеда Джимми с широким галстуком и прабабушки в бледно-желтом атласном платье с высокой талией и с бирюзовой повязкой на волосах отражало Элли Стрит с беспощадной четкостью – ее застиранное ситцевое платье, худое бледное лицо, выющиеся светлые волосы, ставшие прямыми и бесцветными, выступающие вперед плечи, вялую походку. Неудивительно, что Ронни поглядывает на свою хорошенькую медсестру.

Требовалось побыстрее закончить работу, переодеться во что-то приличное и подкрасить лицо до приезда Джулии. Только Элли так устала, что ей было все равно. Эти десять миль до Крэмптона и обратно отнимали у нее чуть ли не все силы, но расписание автобусов ее не устраивало, а ей требовалось навещать Ронни. Ну что ж, здесь уже все в порядке, и она сможет спокойно посидеть двадцать минут перед тем, как начать одеваться к ужину. Элли отступила на шаг, чтобы напоследок оглядеть стол.

В коридоре послышались шаги, и вошла Лоис.

– О, ты уже закончила? Надеюсь, почистила серебро. Оно не выглядело должным образом.

– Да, почистила, – вяло отозвалась Элли.

Два года назад она была красивой, стройной и миловидной, обладала легким румянцем и хрупкостью дрезденской статуэтки. Этот тип внешности не выносит долгого утомления и напряжения. Если голландское зеркало не льстило ей, то и не лгало. Она стала просто тенью прежней Элли Уэйн. Подняв взгляд усталых голубых глаз на Лоис, она повторила:

– Да, я его почистила.

– Ну, эти ложки можно бы протереть еще раз. И... О, разве я не велела тебе поставить цветы в большую серебряную вазу? Она нравится Джимми.

Элли продолжала смотреть на нее. И наконец сказала:

– Лоис, тебе очень важна эта ваза? Мне уже некогда снова заниматься цветами.

Голос был под стать ей – мягким и очень усталым.

– Мне казалось, ты будешь рада сделать что-то для Джимми. Как-никак... – Лоис издала красивый серебристый смешок, – он немало сделал для тебя и для Джулии. Но, конечно, если это такой большой труд...

Она подошла к столу и стала вынимать по одному цветы, портя их и роняя капли воды на полированную поверхность.

Джулия подняла бы скандал. Элли лишь посмотрела и произнесла угасшим голосом:

– Я переставлю их. Лоис, прошу тебя – ты плещешь воду на стол.

Когда она вошла в подсобку, чтобы взять серебряную вазу, там была миссис Мэнипл.

– Что такое, милочка? Еще не закончила? Тебе нужно полежать с полчаса, пока они не пришли. Времени как раз хватит.

Добрая старая Мэнни. Элли благодарно ей улыбнулась. Должно быть, она очень старая, раз помнит рождение Джимми, но совершенно не менялась, не выглядела старше с тех пор, как Элли с Джулией потихоньку забежали в кухню за изюмом, свежим горячим джемом, булочками и сахарными мышками. Мэнни готовила замечательных сахарных мышек, розовых и зеленых, с шоколадными глазками. В пять лет сахарная мышка – большая радость.

Миссис Мэнипл обняла ее за плечи пухлой рукой.

– Иди, дорогая, приляг.

– Не могу, Мэнни. Миссис Леттер хочет, чтобы цветы стояли в серебряной вазе, а та нуждается в чистке. Ею не пользовались несколько месяцев.

Рука Мэнни напряглась. Элли отступила.

– Мэнни, ничего не поделаешь.

Миссис Мэнипл промолчала. Если она была не в состоянии сделать что-то другое для мисс Элли, то это могла. Ярко-розовый яблочный румянец ее больших, крепких щек потемнел, стал лиловым, как слива.

Она резко повернула голову через плечо и требовательно позвала:

– Полли! Иди сюда!

Потом взяла вазу из рук Элли.

– Ступай наверх, дорогая. Полли все сделает, и я присмотрю, чтобы сделала, как надо. Цветы я поставлю сама, и если не в том порядке, можешь переставить их, когда спустишься. И подрумянь щеки, а то мисс Джулия меня убьет.

Идя по коридору, Элли услышала ее довольный смех.

Она поднялась по черной лестнице, так было быстрее. И улыбнулась: Мэнни просто ангел. Однажды она сказала это Энтони, и он нарисовал на витраже шарж на Мэнни в ночной рубашке, облегающей ее формы, и с громадными крыльями, никак не способными поднять ее в воздух.

Элли собиралась войти в свою комнату, и тут ее окликнула Минни. Она занимала комнату, где раньше жила мисс Смизерс, а Элли ту, где, сколько помнила, жила вместе с Джулией. Элли открыла дверь и вошла. Минни Мерсер стояла у туалетного столика с зеркалом, прикалывая брошь, подаренную родителями на двадцать первый день рождения почти тридцать лет назад. Она представляла собой монограмму из двух переплетенных «М», усеянных мелким жемчугом, и жемчужины казались уже не такими белыми, как раньше. Эта брошь была у нее самой лучшей, и она надела свое лучшее платье ради Джулии и Энтони. Оно было не таким старым, как брошь, и хранилось очень тщательно, но застало начало войны и ее конец. «Стильным», по выражению Минни, оно никогда не было, и его ярко-синий цвет не шел к ее маленькому худому лицу, а облегающий покрой – к маленькому худому телу. Но оно было у нее лучшим, и она наивно им гордилась.

Когда Минни повернулась, в сознании Элли возникла мучительная мысль: «Вот как я буду выглядеть. Вот какой я уже становлюсь. О, Ронни!»

Тридцать лет назад Минни Мерсер была «хорошенькой Минни Мерсер» или «хорошенькой дочерью доктора Мерсера». Теперь ее черты заострились, а лицо покрылось морщинами. Густые светлые волосы выглядели бы красивыми, будь должным образом уложены. Они еще даже не поседели, просто казались вялыми, безжизненными. Но ни годы, ни что другое не могло отнять обаятельной улыбки Минни и доброты в ее глазах. Некогда они были ярко-голубыми, – со временем этот цвет потускнел. Однако доброта ее никогда не потускнеет.

Минни мягко сказала:

– Элли, дорогая, ты устало выглядишь. Сядь и расскажи мне о Ронни. Как он?

Элли опустилась в мягкое кресло.

– Изменений никаких. Лучше ему там не станет – так говорит старшая медсестра. Завтра я поговорю с Джимми.

– Он очень добрый, – произнесла Минни, отводя взгляд. – Думаю, не лучше ли – надеюсь, ты не обидишься на меня за эти слова, дорогая – не лучше ли поговорить сперва с миссис Леттер?

Лоис была «миссис Леттер» для Минни Мерсер, а Лоис звала ее просто «Минни» – красноречивая мелочь, указывающая на разницу между ними: между женой Джимми и жал-

кой нахлебницей Джимми. Это было одной из причин ненависти Джулии к Лоис. И закрепляло Минни в приниженном положении.

Элли наморщила лоб. Похоже, у нее это уже входит в привычку. Ей было только двадцать четыре года, но на светлой коже уже образовалась легкая морщинка. Она проговорила:

– Что толку?

– Думаю, так может быть лучше.

Наступило короткое молчание. Минни снова повернулась к туалетному столику и принялась раскладывать по местам вещи – гребенку, щетку для волос, зеркало – подарки миссис Уэйн.

За ее спиной послышался усталый голос Элли:

– Она непременно откажет. Но если сперва поговорю с Джимми, то может... может...

Она не договорила. Никто из знавших Джимми Леттера не мог утверждать, что он способен выстоять против Лоис. Он всерьез скажет «да» – ему всегда было легче говорить «да», чем «нет». Но эта черта его характера была на руку и нашим, и вашим – он не мог сказать «нет» и Лоис, которая наверняка сыщет десяток веских причин не предоставлять Ронни Стриту места в доме.

Минни повернулась к Элли.

– Дорогая, не беспокойся сейчас об этом. Знаешь, я подумала, не окажешь ли ты мне небольшую любезность...

– Само собой, окажу. Какую?

– Ну, в общем – это было так нелепо, – но сегодня со мной случился легкий обморок, когда мы занимались благотворительной работой в доме священника... Ничего страшного, сущий пустяк, но миссис Летбридж – ты знаешь, какая она добрая – так вот, она сказала, что позвонит по этому поводу миссис Леттер, а это, дорогая моя, никуда не годится. Я упрашивала ее, как только могла, но ты знаешь, какая она – очень добрая, но не очень тактичная, и мне страшно. Я подумала: может, ты позвонишь ей и попросишь этого не делать? Она собиралась навестить мисс Грин, но уже, наверно, вернулась. Можешь сказать ей, что я уже совершенно здорова.

– Да, немедленно позвоню. Она не должна сообщать Лоис – поднимется страшный шум.

Эта перспектива ужаснула Элли. Она сбежала по лестнице, но, подойдя к приоткрытой двери кабинета, с упавшим сердцем обнаружила, что опоздала. Высокий благозвучный голос Лоис был четко слышан:

– Сразу упала в обморок? Моя дорогая миссис Летбридж, какая это неприятность для вас! Я вам очень сочувствую... Да, я знаю – она *слишком* много работает, а потом с ней случаются нервные припадки. Разумеется, тут беспокоиться не о чем – но большое спасибо, что сообщили мне... Я сделаю все, что смогу – она ведь очень упрямая. – Лоис издала легкий смешок, чтобы смягчить сказанное. – Боюсь, вам придется освободить ее от рабочих собраний. Я буду в этом непреклонна. Добрых людей, как вы говорите, мало – мы должны о ней позаботиться. Спасибо, что сообщили мне.

Элли услышала щелчок телефонной трубки. Слегка вздрогнула, повернулась и побежала вверх по лестнице. Вошла в комнату Минни, тяжело дыша.

– Элли, дорогая!

– Мин, я опоздала. Лоис была там... разговаривала...

– С миссис Летбридж?

Элли кивнула.

Минни вздохнула:

– Что ж, ничего не поделаешь. Дорогая, тебе не следует бегать – ты совсем запыхалась.

– Ничего, это пустяк. Мин, слышала бы ты ее. «Добрых людей мало – мы должны о ней позаботиться». Джулия называет этот ее голос медово-змеиным. И знаешь, Мин, она сказала миссис Летбридж, что она больше не должна ждать тебя на рабочие собрания. Но ты воспротивишься, правда? Это у тебя единственное удовольствие.

Минни замерла. И через несколько секунд ответила:

– Дорогая, противиться у меня получается плохо. К тому же это расстраивает домашних, а я не хочу этого делать.

О Джимми она не упомянула, но он был на уме у обеих. Это его не следовало расстраивать. Минни сделала бы что угодно, вынесла бы что угодно, только бы не огорчать его. Обе это знали. «Она относится к нему, как я к Ронни», – подумала Элли. И с этой мыслью кое-что изменилось. Дочь доктора Мерсера жила здесь так долго, что все привыкли к ее привязанности и о причине такого отношения к ним даже не задумывались. А вот сегодня у Элли этот вопрос возник.

Минни терпеливо улыбнулась:

– Дорогая, тебе нужно одеться. Я приду, помогу тебе. Не будем этим вечером думать о неприятном, ведь приезжают Энтони с Джулией. Какая радость! Нам следует быть веселыми.

Когда они вошли в комнату Элли, Минни продолжала говорить:

– Ты не представляешь, как я рада, что наконец приезжает Джулия. Со стороны миссис Летбридж было очень любезно пригласить ее к себе, когда она приезжала повидаться с тобой, но то, что она не заночевала здесь, вызвало множество разговоров. И они наверняка расстроили твоего брата и... миссис Леттер. Ты наденешь голубое, так ведь?

Элли ответила:

– Да.

Она повесила хлопчатобумажный халат и надела голубое крепдешиновое платье. Оно стало ей великовато.

– Дорогая, взбей волосы и немного подрумянься. Джулия не должна видеть твою бледность.

Элли втирала в лицо крем наброшенным на плечи полотенцем. Следовало сделать это до того, как надевать платье. Но снимать его она уже не стала. Вот так всегда: сделать что-нибудь как нужно не хватает времени. Втерев остатки крема в кожу, Элли взяла пуховку и сказала:

– Мин, я боюсь, что Джулия устроит ссору с Лоис.

– Дорогая, она этого не сделает!

– Она может, – возразила Элли.

– Нет-нет!

– Возможно, она хочет этого.

Минни негромко ахнула:

– Никто не может *хотеть* ссоры.

– Джулия может.

– Дорогая моя, зачем?

– Чтобы устроить скандал. Джулия такая – сама знаешь. И она смертельно ненавидит Лоис.

В зеркале Элли видела, что Минни стоит прямо позади нее. Вид у нее был такой, будто она снова на грани обморока. Минни негромко произнесла дрожащим голосом:

– Ненависть – это яд.

Глава 5

Эта вечеринка радовала по-настоящему только Джимми Леттера. Все прочие облегченно вздохнули, когда она закончилась, однако Джимми был очень доволен. Он держался весело и очень оживленно. Семейство не собиралось вместе уже два года, и теперь он радостно оглядывал снова всех за столом – Элли сидела по одну его сторону, Джулия по другую, Энтони рядом с Элли, Минни рядом с Джулией, а его красавица Лоис улыбалась ему, сидя во главе стола. Это была традиционная семейная вечеринка, и к ней прибавилась Лоис. Лоис – его жена – его красивая, замечательная жена! Джимми не представлял, почему она вышла за него – ведь могла бы выбрать себе буквально любого мужа. Но все-таки Лоис стала его женой. И они собрались все вместе: Энтони вернулся из-за границы, и Джулия тоже здесь! Джимми нешуточно огорчился, когда она перестала приезжать и останавливаться в Леттер-Энде. Видимо, она ревновала из-за его женитьбы – и очень напрасно. Но такова уж Джулия – необузданная, своевольная. С детских лет этим отличается. Однако такая сердечная, что ее нельзя не любить. Джимми очень любит ее, а Лоис относится к ее ревности просто по-ангельски. Лоис настоящий ангел, в этом нет ни малейшего сомнения. Она говорила, что нужно только подождать, и Джулия придет. И вот она приехала, и они обе здесь!

Джулия в красном платье – красивом темно-красном, как дамасская роза, – это приятный, очень идущий ей цвет. А Элли в голубом. Выглядит усталой, бедняжка. Расстраивается из-за Ронни. Жаль, что он лишился ноги. Какое счастье, что о ней заботится Лоис.

Жаль, что с ними уже не было бедной Марсии. Джимми посмотрел мимо Лоис на портрет, висевший на задней стене, – Марсия Уэйн в красном платье, очень похожем на то, что на одной из ее дочерей, на Джулии. Джулия заметно на нее похожа. Марсия была очень красивой, привлекательной женщиной, но несладкая у нее вышла жизнь – дважды теряла мужей и умерла слишком рано. Джимми был очень привязан к Марсии. Ей бы жить да жить. Он легкой печалью представил, как Марсия и Лоис счастливо живут под одной крышей в Леттер-Энде. И тогда, конечно, Джулия не уехала бы, и все они были бы одной счастливой семьей. Но, разумеется, им всем есть чему радоваться. И у него еще есть Лоис. Джимми улыбнулся ей и получил в ответ очаровательную улыбку.

Вечеринка на первый взгляд получилась вполне веселой. Об этом позаботились Лоис и Энтони. Они не давали всем скучать, Джимми тоже время от времени принимал участие в беседе. Джулия, хоть и была слишком молчаливой, вела себя очень достойно. Не хмурилась, не бросала сердитых взглядов, сказала то, что хотела сказать, была вежливой с Лоис и ласковой с Джимми.

Держаться с Джимми ласково было совсем нетрудно. В пятнадцать лет он был беспечным кудрявым подростком. В пятьдесят один год это описание все еще ему подходило. Он не стал ни выше, ни напыщеннее. Кудри слегка поредели на висках, но оставались такими же светлыми, почти без седины.

Миссис Мэнипл приготовила им превосходный обед. Когда Элли встала, чтобы сменить тарелки, Джулия тоже поднялась. Приятно снова заниматься делом вместе с Элли, и если Лоис торжествовала, Джулии на сей раз было наплевать. Она положила руку на плечо Минни, веля ей не вставать, и со смехом покачала головой сидевшему напротив Энтони.

– Оставьте – прошу всех, – я делаю это с удовольствием.

Все было как прежде, только во главе стола должна была сидеть мама, заботливая, добрая, красивая, а не Лоис в облегающем белом платье, надетом для того, чтобы продемонстрировать, какая у нее прекрасная фигура. «Я терпеть ее не могу, это так. Мне все равно, какая у нее фигура. Хотя нет, нет, *нет!* Она будто бы в купальнике! Если это и все, что привлекает Энтони, она может забирать его, и пожалуйста. Нет, не может – раз теперь она жена

Джимми, – Энтони не пойдет на это. Он бы не приехал, если бы не порвал с ней». Дух ее воспарил и понесся в долгий, головокружительный полет с россыпью радужных огней в конце.

Миссис Мэнипл вручила ей блюдо яичницы с грибами и восхищенно посмотрела на нее.

– Ну, моя дорогая, у тебя превосходный цвет лица. Любой подумал бы, что мисс Элли городская мышка, а ты сельская. И румянец у тебя свой. Те, кто пользуется румянами, не знают, что ими мало кого можно обмануть. Мисс Элли, дорогая моя, осторожнее с этими тарелками, не обожгись.

Когда они вернулись в столовую, Джимми рассказывал одну из своих бесконечных историй:

– Тут я сказал Хэвершему – не тому, кого ты помнишь, Энтони – он умер, бедняга – а это племянник, сын того брата, что уехал на север. Чего ради – не помню. Определенно не затем, чтобы заниматься конструированием – с математикой у него были нелады. Думаю, он работал в транспортной конторе или... ну, это не важно, но этот Хэвершем его сын. Неплохой парень, однако в фермерском деле ни в зуб ногой. Начал рассказывать мне про урожай маслин в Италии – он был там в составе Восьмой армии – и чего только не говорил о том климате! А я сказал ему: «Знаешь, Хэвершем, маслины – это маслины, они очень хороши для итальяшек, но они не растут здесь, и все тут...»

Рассказ тянулся и тянулся. Он доставлял Джимми большое удовольствие и не вызывал никакого интереса.

Энтони не скучал – он впервые за несколько лет чувствовал себя так непринужденно. Он вырос в этой обстановке: семейные вечеринки, милые девушки, довольный Джимми, заражающий своей радостью окружающих. Что из того, если его истории неинтересны? Хороших рассказчиков сколько угодно. Только среди родных блистать не обязательно, это не главное. Родные – это родные. Их принимаешь такими, какие есть, и они принимают тебя так же. Лоно семьи чрезвычайно успокаивает.

Энтони повернул голову и поймал блестящий и твердый взгляд Лоис. В нем сквозило презрение к Джимми. Лоис будто призывала Энтони тоже его презирать. Внезапно он почувствовал к ней острую неприязнь как к чужой.

Когда обед закончился, Лоис отправилась в гостиную, забрав с собой обоих мужчин. Энтони хотел было остаться и помочь, но Джимми возразил: «Нет-нет – девочки все сделают», а Джулия подхватила: «Иди, играй – здесь будешь только путаться у нас под ногами».

В подсобке Джулия обратилась к Элли:

– Сколько человек будут пить кофе? Лично я нет, так что ставить чашку для меня не нужно. Какими вы пользуетесь?

– Старыми вустерскими. Мы с Минни тоже не будем, Джимми отказался от него, поэтому остаются только Энтони и Лоис, а она пьет кофе по-турецки.

Совершенно в ее духе! Ну, Энтони турецкого кофе пить не станет, он любит с молоком.

– Мэнни все уже приготовила. Лоис выпивает только одну чашку. Кладет туда чуточку ванили. И ставит на поднос бутылочку коньяка.

Джулия скривилась:

– Какая мерзость!

Остальные находились на террасе. За серой подпорной стенкой на ровной лужайке лежала тень кедра, представлявшего собой гордость Джимми. В этом году его раскидистые ветви усеивали шишки, словно на них гнездились стаи маленьких сов. На другой стороне лужайки красовался широкий цветочный бордюр, и его краски становились все ярче в лучах вечернего солнца. То был один из прекрасных безветренных вечеров, когда зной уже не затягивал дымкой нежную голубизну ясного неба.

Мужчины вошли неохотно, сперва один, затем другой. Вспышка гнева у Энтони уже прошла, и сейчас он чувствовал гармонию со всем миром.

Когда Минни Мерсер выходила из комнаты с кофейным подносом, Лоис поднялась и тоже вышла с террасы. Быстро проходя мимо нее, задела поднос, и чашка Энтони со стуком упала.

Минни продолжила путь на кухню, там вымыла и убрала чашки. Полли Пелл – худенькая девушка семнадцати лет с робким взглядом – протирала бокалы, очень медленно, тщательно, как учила миссис Мэнипл. Минни немного поговорила с ней о замужней сестре, первого ребенка которой только что окрестили, сочла, что выбранное имя очень хорошее, и вернулась в гостиную. Ей требовалось пройти мимо туалета на первом этаже – но мимо она не прошла. До ее ушей донесся такой мучительный, сдавленный звук, что после недолгого тревожного колебания она подергала дверь, нашла ее незапертой и вошла. Лоис Леттер, тяжело дышавшая и тужившаяся в рвоте, склонилась над туалетной раковиной.

Потрясенная и встревоженная Минни оказала ей всю возможную помощь и, когда спазмы прекратились, вытерла рвоту на свой спокойный, методичный манер. Лоис, белая, как ее платье, сидела на маленьком жестком стуле, единственном, какой там был. Черты ее лица заострились, нежная кожа покрылась потом, однако когда Минни отвернулась от раковины, она сделала глубокий вдох и сказала:

– Мне уже хорошо.

– Помочь вам подняться по лестнице?

Лоис снова глубоко вдохнула и ответила:

– Нет, я не нуждаюсь в помощи. Все в порядке. Только погоди минутку.

– Подать вам что-нибудь?

– Немного воды...

Сделав два или три глотка, она выпрямилась.

– Мне уже хорошо – плохо не будет. Не могу понять, что со мной случилось. – Лоис нахмурилась. – Наверно, дело в грибах. Миссис Мэнипл, видимо, стала неосторожной. Ей эта работа уже не по возрасту. Нужно будет поговорить об этом с Джимми.

Минни Мерсер понимала, что говорить ничего не следует, однако на ее лице отразилось искреннее огорчение, и этого оказалось достаточно. Лоис тут же вспыхнула:

– Конечно, ты будешь ее защищать! Даже если она меня отравит! Но ведь на моем месте мог оказаться Джимми! Тогда бы ты не была такой спокойной, не жалела бы так миссис Мэнипл!

– Миссис Леттер...

На этом мягкий протест Минни оборвался.

Лоис встала, держась за спинку стула.

– Я сейчас не в состоянии спорить. Поднимусь к себе в комнату... Нет, ты мне не понадобишься. Возвращайся в гостиную. И ни слова никому – слышишь? Ни единого. Если я не спущусь через десять минут, поднимись ко мне. Но рвота больше не повторится – я в этом уверена. Просто не могу вернуться туда в таком виде.

И действительно, минут через десять Лоис открыла дверь гостиной и вошла. Ее белое платье струилось за ней, а на щеках розовел легкий румянец. Для Джимми и Элли Стрит она выглядела совершенно так же, как за обедом. Даже Минни не заметила почти никаких следов произошедшего. Джулия подумала: «Будь оно все проклято – она красива!»

Энтони изумительно посмотрел на Лоис, когда она проходила мимо. Сейчас румянец у нее не свой – он мог бы поклясться. А вот в столовой, несомненно, был свой. Он задался вопросом, с чем это связано...

Глава 6

Джулия погасила свет, подождала, пока к ней не вернулась способность видеть, и уверенно подошла к окну. Раздернула шторы и выглянула наружу. Три окна, выходящих на боковую сторону дома, были открыты настежь, и ночной воздух вливался в комнату приятным мягким приливом. Небо было ясным, но луна еще не взошла. За маленьким, строго распланированным садом чернели таинственные силуэты деревьев. Ветра не было. Под ясным небом все замерло.

Кровати ее и Элли стояли рядом. Джулия подошла к своей и легла, высоко подложив под голову подушки. Обе ждали этого момента: Элли – чтобы говорить, а Джулия – чтобы слушать. Когда она устроилась, Элли взяла ее за руку.

– О, Джулия...

Это был вздох полнейшего облегчения. А потом вдруг Элли расплакалась.

С утра до вечера, в течение многих дней у нее на душе копились слезы, и ночью она не смела их проливать. Это значило бы расслабиться, и она боялась, что потом не сможет взять себя в руки. Лишь теперь, когда рядом была сестра, дело обстояло иначе. Можно было поплакать, а когда Элли прольет достаточно слез, Джулия ее остановит.

Джулия дала ей поплакать, держа ее за руку и ничего не говоря, просто находясь рядом. Она была рядом всю их жизнь, и для Элли ее присутствие означало безопасность. Джулия всегда была ведущей, а она ведомой. Сестра вовлекала Элли в приключения и чудесным образом вызволяла из них. Где-то в глубине души Элли отчаянно держалась за мысль, что Джулия сумеет вызволить ее из создавшихся обстоятельств, и это было уже для нее не приключение, а угроза всему самому дорогому. Даже теперь, плача, она чувствовала исходящие от Джулии теплые волны утешения.

Вскоре она услышала голос Джулии, тоже теплый и настойчивый:

– Элли, хватит плакать.

– Я думала... у меня...

– Ну так прекрати! Платок у тебя есть?

– Да, – ответила Элли со всхлипом, выпустила руку Джулии, полезла под подушку, достала его и высморкалась.

– И больше не плачь! Скажи, в чем дело.

– В Ронни! – снова всхлипнула Элли.

– Он мог погибнуть, но не погиб, – произнесла Джулия. – Подумай об этом и перестань плакать.

– Я знаю – это дурно с моей стороны, да?

– Глупо, – ответила Джулия.

У Элли стало легче на душе. Есть что-то необычайно успокаивающее в том, когда тебе говорят, что твои страхи глупые. Она снова взяла руку Джулии и нашла ее утешающей, сильной.

– Наверно, ты права. Но старшая медсестра говорит, что в госпитале ему лучше не станет, и я очень боюсь, что Лоис не позволит ему находиться здесь.

– Не позволит, раз ты боишься. Чем больше страшишься таких людей, как Лоис, тем больше они втаптывают тебя в грязь.

Элли перевела дух.

– Знаю. Но ничего не могу с собой поделать – я *боюсь*.

– Это пагубно, – заметила Джулия.

Элли стиснула ее руку.

– Не надо так говорить. Я ничего не могу поделать – такова уж моя натура. Для Лоис я половик, и она будет вытирать об меня ноги, пока я не стану такой, как Минни, только гораздо менее доброй.

– Будет, если ты позволишь ей, – сказала Джулия.

– Я не могу остановить ее. Но завтра поговорю с Джимми – пользы от этого не будет...

– Не знаю – возможно, и будет. Я тоже поговорю с ним, и – возможно, Энтони. Вместе мы можем подвести его к мысли, что это его дом, и если он хочет, чтобы Ронни находился здесь, – ему решать.

Элли отозвалась угасшим голосом:

– Ты не знаешь Лоис – она как-нибудь пообедет его вокруг пальца. Она всегда это делает.

– Что ж, мы все же попытаемся.

Джулия скорее почувствовала, чем поняла, что Элли дрожит.

– Это ничего не даст – Лоис умеет настоять на своем. Ты знаешь старую миссис Марш...

– Она тут при чем?

– Вот слушай. Когда ее сын вернулся из Индии, она очень радовалась, и этот толстяк был добр к ней на свой глупый манер.

– Да, он был не таким уж плохим. Джо Марш мне, в общем, нравился.

Элли дернула ее за руку.

– Он стал еще толще и глупее. И женился на мерзкой девице из Крэмптона – совершенно бесчувственной. Лоис взяла ее сюда как швею. Право, это жуткая особа. Послушала бы ты, что говорит о ней Мэнни.

– Возможно, послушаю.

– Так вот, эта ужасная Глэдис с самого начала решила избавиться от миссис Марш и добилась своего. Миссис Марш со своей негнущейся ногой не могла найти постоянную работу, но приглядывала за малышами, пока матери ходили в кино, и ей это нравилось. При этом это был ее коттедж, она жила там с тех пор, как вышла замуж за отца Джо, а Глэдис выгнала ее и отправила в приют для инвалидов.

После небольшой паузы Джулия поинтересовалась:

– Какое отношение это имеет к Лоис?

Элли с горячностью ответила:

– Да ведь Лоис надоумила и поддержала ее! Мэнни в ярости. Марши ей какая-то родня...

– Джимми в курсе?

– Не знаю – и не знаю, как это было сделано. Он думает, что ей пришлось лечь в больницу из-за ноги.

Джулия удивленно спросила:

– Почему ты не сказала ему?

– Это бессмысленно. Такие вещи происходят постоянно, только Джимми ничего не замечает. Лоис поступает по-своему, а он этого не видит. Она хочет захватить коттедж старого Ходсона для своих друзей – и вот увидишь, захватит.

– Джимми этого не сделает.

– Она его заставит. Ты не знаешь Лоис так, как я. Она убедит Джимми, что старому Ходсону гораздо лучше уехать к снохе. А там он возненавидит эту жизнь, и ему будет становиться все хуже. Лоис настоит на своем, и ее друзья получат коттедж на выходные.

Наступило молчание. Джулия могла бы сказать многое. Но подумала, что, пожалуй, лучше промолчать. Элли требовалось утешение, а не новые переживания. И Джулия молчала, потому что не могла придумать ничего утешительного.

Через несколько секунд Элли снова прорвало:

– И с Ронни будет то же самое – вот увидишь! Джимми скажет «да» мне, тебе и Энтони, а потом Лоис возьмется за него, и он скажет «нет». Она убедит Джимми, что Ронни будет гораздо лучше в госпитале или в санатории для долечивания, как миссис Марш лучше в приюте для инвалидов, а бедному старому Ходсону – в Лондоне вместе со снохой, которой не нужен тесть. Я бы не возмущалась так, если бы Лоис сказала честно, что это ее личное желание. Но нет. Она делает вид, будто так будет лучше для всех, вместо того чтобы признаться, что хочет этого для себя.

Джулия настойчиво сказала:

– Элли, перестань дрожать. И перестань взвинчивать себя из-за Лоис. Этим ничего не добьешься, только изнервничаешься. Она подлая тварь, я всегда это знала. Но она жена Джимми. Для Ронни можно будет кое-что сделать. Я здесь для этого. Первым делом нужно найти работу, где тебе позволят жить вместе с Ронни.

Элли вздохнула:

– Это бесполезно. Я пыталась. Поместила объявление, указав номер почтового ящика. Пришло только два ответа, и оба от тех, кто загружает прислугу по полной. Вся работа по дому – стряпня и прочее. Я не смогу выполнять ее и при этом заботиться о Ронни.

– Что ты написала в объявлении?

– Я хотела, чтобы оно выгодно отличалось среди других – сейчас место прислуги ищут многие. И написала: «Ищу работу по дому, где смогу жить вместе с мужем. Он потерял на фронте ногу».

– И получила всего лишь два ответа?

– Всего лишь.

Джулия лежала, хмурясь в полутьме. Взошла луна. Она видела спинки в изножьях кроватей. Видела массивный черный гардероб у противоположной стены. В трех окнах видно было освещенное небо. Неторопливо произнесла:

– Элли...

– Да?

– Если Ронни сможет поехать в хороший санаторий для долечивания, не будет ли там для него лучше, чем ссориться здесь с Лоис?

Элли отдернула руку.

– Я не смогу видеться с ним...

– Но если ему станет лучше? Он снова сможет работать, и вы всегда будете вместе.

Элли сказала сдавленным голосом:

– Не думала, что и ты будешь против меня.

– Я не против.

Оправдываться было не в духе Джулии.

– Ты не понимаешь.

– Тогда, может, объяснишь?

Элли снова взяла ее за руку.

– У нас нет никакой возможности. Мы провели вместе месяц, потом два выходных, а потом он лежал в госпитале. Это лишает нас возможности. Я езжу туда уже измотанной. Лицо у меня бледное, и часто я не могу найти темы для разговора. Не могу быть веселой, улыбчивой – такой, какой он хотел бы меня видеть. – Она снова расплакалась. – Джулия, у него такая хорошенькая медсестра!

Глава 7

Наутро Джулия после завтрака поговорила с Джимми Леттером наедине. Он курил на террасе трубку, она увела его в кабинет и плотно закрыла дверь. Гостиную Лоис изменила почти до неузнаваемости – там были новые чехлы, новые шторы, новые ковры, новые украшения, вся мебель стояла на новых местах. Но кабинета она пока еще не коснулась. На полу там лежали старые потертые ковры, на окнах висели старые коричневые шторы. На полках стояли старые потрепанные книги. Разумеется, там никто и никогда ничего не штудировал, но это была комната Джимми, а раньше его отца, и Джулия почувствовала себя гораздо спокойнее, когда привела его сюда. Она заперла бы дверь, но ключ был давно потерян, никто не знал, как и когда.

Сев на подлокотник одного из больших кресел, она сказала:

– Джимми, я хочу поговорить с тобой о Ронни.

Энтони часто говорил ей, что она напрочь лишена такта, и когда она бросала в ответ: «А какой смысл подходить к делу издали? Если я хочу что-то сказать, то говорю», он со смехом замечал: «Мне ли этого не знать!»

Ну вот, она сказала то, что пришла сказать, и Джимми нахмурился. Трубку он держал в руке, и между ними поднимался дымок. Не успел он и рта открыть, как Джулия поняла, что Лоис ее опередила.

– Знаешь, Джулия, это не годится – я имею в виду его пребывание здесь. Никуда не годится. Само собой, Элли этого хочется, да и я сам был бы доволен, если бы он жил в нашем доме, бедняга. Но, как говорит Лоис, Элли в гроб загонит себя заботой о нем. Видно же, что ей это не по силам. Да ведь бедный Ронни калека – ей никак с этим не справиться. Поверь, я и так очень о ней беспокоюсь. Здесь она дома, со всеми удобствами, Лоис заботится о ней, и все равно она похожа на привидение – бледная, понурая. А ты хочешь, чтобы она взялась за тяжелую работу сиделки. Слышать об этом не хочу!

Щеки Джулии вспыхнули красными флагами. Она редко приходила в такой гнев. Но ей хватало ума понять, что раз она ведет игру за Элли, то нужно сдерживаться. Будь это ее личная игра, она бы резко швырнула карты на стол и с удовольствием выложила бы все, что думает о Лоис. Но это была партия Элли.

Щеки ее горели, глаза сверкали ненавистью, но язык она держала на привязи. Джимми, поглядев на Джулию с легким беспокойством, поразился ее сходству с Марсией. А он не только был очень привязан к Марсии, но и уважительно относился к ее суждениям. Это уважение и сходство стали незаметно окрашивать его мысли. Молчание Джулии дало им время подумать. Когда она наконец заговорила, голос ее звучал очень тихо:

– Джимми – помнишь, какой штат прислуги был здесь до войны?

– Это было давно, – ответил он. – Теперь все переменялось.

– Знаю. Но все равно, помнишь? Здесь была миссис Мэнипл, судомойка под ее началом, после полудня приходила служанка для черной работы, и миссис Хаггинс мыла кухонные полы. Это что касается кухни. Для остальной части дома был дворецкий, горничная, уборщица, служанка для черной работы до полудня и миссис Хаггинс, когда требовалась дополнительная работа – весенняя приборка или появление гостей.

Джимми сердито затаился трубкой.

– Какой смысл говорить об этом? Всем пришлось снизить расходы.

– Знаю, что пришлось. Но задумайся на минутку, Джимми, и ты поймешь, почему у Элли усталый вид. Она и Минни делают то, что делали мужчина и три служанки.

– Ты не учитываешь Лоис.

Джулия посмотрела на него.

– Да – Лоис я не учитываю.

Джимми отвернулся, подошел к письменному столу и принялся поднимать с него то одну вещь, то другую и резко ставить их на место. Когда повернулся, лицо его было багровым. Он сердито спросил:

– Как это понять?

Правая рука Джулии сжалась в кулак, и ногти впивались в ладонь. Нельзя показывать Джимми, что и она сердита. Этим его не проймешь. Мама никогда не сердилась ни на него, ни на других. Поэтому все ее слушали. Если бы только возмущение не кипело в душе – так, что начинаешь чувствовать, что тебе на все наплевать...

Но нужно думать об Элли. И Джулия заговорила таким сдержанным, рассудительным голосом, что удивилась сама.

– Послушай, Джимми. Я не хочу устраивать ссору. Я хочу высказаться. Хочу, чтобы ты меня выслушал, и только. Лоис ставит в вазу букеты цветов – вот и все, что она делает по дому. Сердиться на мои слова не нужно – это правда. Это ее дом, и она не обязана делать больше того, что желает. До этого она не жила за городом. Она подолгу жила в отелях, поэтому даже не знает, сколько в доме дел.

Джулия почувствовала, что она довольна собой. Она мягко разубеждает Джимми. Кто это сказал, что она лишена такта? И продолжала все оживленнее:

– У меня есть очень хороший план, и больших расходов он не потребует – уверяю тебя. Если миссис Хаггинс станет бывать здесь ежедневно, а не раз в неделю на кухню к Мэнни, дела значительно изменятся к лучшему. Видишь ли, и Минни, и Элли нельзя назвать сильными. Не с их мышцами заниматься тяжелой работой, и они ужасно от нее устают. А миссис Хаггинс сильна, как лошадь, – она быстро со всем справится. Минни и Элли будут заниматься тем, что полегче.

Джимми перестал сердиться. Вид у него стал недоуменным.

– Но миссис Хаггинс приходит. Я не раз ее видел.

– Приходит по субботам, драит кухонные полы, и только.

Джимми сказал с беспокойством:

– Я думал, она делает еще что-то. А потом еще жена Джо Марша – я видел ее здесь.

– Она только шьет для Лоис.

– Ты уверена, что не помогает по дому?

– Совершенно уверена.

Джулия помолчала, давая ему время осмыслить сказанное.

– Джимми – по поводу Ронни – выслушай, пожалуйста. Не занимайся Элли тяжелой работой, не ездь на велосипеде в Крэмpton, что ее изматывает, думаю, она могла бы заботиться о Ронни. Она была бы счастлива, а счастливые люди способны горы свернуть... Нет, послушай, пожалуйста. Он уже ходит с костылем. Если отдашь им старую классную комнату, ему не придется подниматься наверх, туалет прямо напротив. Все будет совсем необременительно – и, Джимми, как станет счастлива Элли! Ты всегда бывал к нам так добр.

Джулия уже не сердилась. Она припоминала все случаи, когда Джимми проявлял доброту, – их было множество, они уходили в прошлое все глубже, глубже, пока не исчезали из памяти. Она смотрела на Джимми с очаровательной улыбкой.

Он подошел к ней и обнял ее за плечи.

– Ладно, ладно, дорогая моя, – я подумаю. Очень хорошо, что ты это высказала. Очень хорошо, что ты снова здесь. Я сильно скучал по тебе. Ты не давала мне возможности сделать что-то для тебя в последние два года, так ведь? Но мы подумаем, что можем сделать для Элли. Она тревожится, правда?

– Она совершенно извелась.

– Ну-ну, мы не можем с этим мириться. Я сделаю, что смогу.

Глава 8

– Джимми – *дорогой!*

Джимми Леттер взъерошил свои светлые волосы.

– Ну, похоже, это хороший план. Джулия говорит...

Лоис со смехом подошла к нему и прижала ладонь к его губам.

– О, мой дорогой, раз это говорит Джулия... Нет, Джимми, право же – это уже слишком! Она знать нас не желает два года, а потом является и хочет перевернуть весь дом вверх тормашками. Знаешь, в конце концов это *наш* дом...

– Оно так...

Лоис засмеялась снова.

– Рада, что ты это признаешь! Но он перестанет быть нашим, если ты позволишь Джулии распоряжаться здесь. Она из этих неугомонных, беспокойных людей, а я не думаю, что нам нужны беспокойства.

Джимми нахмурился:

– Она говорит, Элли совершенно извелась.

Лоис вздохнула:

– Элли расстраивается из-за мужа. Не представляю, что нам тут можно поделаться. Ей нужно взять себя в руки и не раскисать. А она становится истеричной.

Джимми продолжал хмуриться.

– Джулия говорит, ей не следует слишком много работать. Миссис Хаггинс приходит всего раз в неделю. Не можем ли мы привлечь ее к ежедневной работе?

Изящные брови Лоис поднялись.

– Наверное, можем – раз Джулия считает, что так нужно. Есть у нее еще предложения? Если да, то, само собой, ей нужно только высказать их.

– Зря ты так, – грубовато сказал Джимми. – Она не это имела в виду.

Лоис рассмеялась снова.

– Не это? Интересно, что же.

Она положила руки на плечи Джимми и поцеловала его в подбородок.

– Теперь, дорогой, послушай меня. Джулия не пробыла здесь даже суток и уже предлагает все тут переустроить, направить нас всех на путь истинный. Знаешь, это никуда не годится. Я бы возмутилась, если б не мой слишком уж мягкий характер. Насколько я понимаю, Джулия из сорта импульсивных, благонамеренных людей. Она очень любит Элли и очень любит настаивать на своем. Но право, дорогой, я не могу допустить, чтобы она так совалась в наши дела. Это уже не шутки.

Джимми обнял ее.

– Послушай, Лоис, не могли бы мы позволить Ронни пожить здесь – какое-то время?

Лоис отодвинулась от него. От ее веселости не осталось и следа.

– Да, конечно – если хочешь, чтобы здоровье у Элли пошатнулось. Джулия наверняка считает, что она в силах заниматься тяжелой работой сиделки. Я нет. Я думаю, что ей нужны покой и перемена обстановки. Собственно, я собиралась поговорить с тобой о своем плане. Нам нельзя и дальше жить таким беспорядочным образом. Я хочу иметь возможность устраивать приемы гостей. Я еще не приняла решения, но слышала о превосходном дворцеком и двух горничных. Конечно, они будут стоить больших денег, но, думаю, нам пора вернуться к цивилизации. Если Элли хочет остаться здесь, то пожалуйста, пусть остается, но я думаю, ей будет лучше сменить обстановку. Ронни могут перевести в санаторий для долечивания, а она может снять комнату поблизости от него. Я не хочу, чтобы, когда новый штат прислуги будет устраиваться, тут находилось много людей. Кстати, я слышала об очень подходящем

месте для Минни Мерсер. Тетушка Бренды Грей нуждается в компаньонке. А Минни – прирожденная компаньонка, так ведь?

Джимми отступил на шаг.

– Постой-постой, Лоис, – как это понять? Относительно Минни. Она не уходит отсюда. Для этого нет никаких причин.

Лоис улыбалась.

– Дорогой, нет никаких причин ей оставаться. Вряд ли можно ожидать, что она будет работать под началом дворецкого.

– Об этом не будет и речи. Да ведь Минни живет здесь двадцать пять лет! Она была подругой Марсии. С какой стати ей уходить от нас?

Лоис грациозно пожала плечами.

– Не спрашивай меня. Но думаю, она вполне разумна. И мне не придется предупреждать ее о предстоящем выселении.

– Предупреждать о выселении? – Джимми ошеломленно глядел на нее.

– Дорогой, откровенно говоря, Минни не сможет приспособиться. Если у нее хватит ума это понять, мы будем избавлены от неприятностей. – Лоис улыбнулась снова и послала мужу воздушный поцелуй. – Приободришься, дорогой! Ты не представляешь, как будет хорошо, когда дом снова станет вестись подобающим образом.

Они находились в малой гостиной, окна ее выходили на распланированный сад. В течение более двухсот лет эта комната принадлежала хозяйке дома. Пока что Лоис оставляла комнаты в том же виде, в каком ее унаследовала Марсия от своей предшественницы, матери Джимми Леттера, скончавшейся при его родах. Для Лоис здесь были повешены светлые парчовые шторы, для ее ступней был расстелен выцветший ковер. Однако большая часть мебели сохранялась с прежних времен. Лоис собиралась обставить эту свою комнату на современный манер. Даже посылая Джимми воздушный поцелуй, она мысленно заменяла диван викторианской эпохи пружинной софой и отправляла акварельные наброски на чердак. Джимми питал сентиментальную привязанность к ним, их рисовала его мать, но когда комнату будут отделывать, рисунки придется снять. И Лоис собиралась позаботиться, чтобы их больше не развешивали.

Ни она, ни Джимми не слышали, как во время их разговора приоткрылась дверь. Рука, открывшая ее, не притворила ее снова. Выходя, Лоис нашла дверь приоткрытой.

Глава 9

Энтони едва не столкнулся с Минни Мерсер в коридоре прямо напротив своей комнаты – вернее, это она едва не налетела на него, и он еле избежал сильного столкновения, успев сделать шаг назад. Минни натолкнулась на его вытянутую руку, и ему пришлось поддержать ее, чтобы она не упала. Тут в свете из открытой двери он увидел ее лицо – совершенно белое и застывшее, – а глаза, устремленные в одну точку, казались почти бесцветными. Энтони провел на войне пять лет и способен был узнать шоковое состояние. Поддерживая Минни, он ввел ее в комнату, прикрыл дверь и усадил в кресло. Казалось, она не понимала, что Энтони делает, но когда он спросил: «Минни, что случилось?», ее руки задрожали. Она с трудом выпрямилась и положила руки на колени, безуспешно пытаясь унять дрожь. Глядя мимо него на какую-то далекую точку, она ответила:

– Мне придется... убраться отсюда.

– Минни, дорогая!

– Она хочет этого.

– Дорогая моя, не понимаю, о чем ты.

Минни очень медленно произнесла сдавленным голосом:

– Я прожила здесь двадцать пять лет... но все равно... она меня выгонит.

Энтони начал понимать, что происходит. Положил руку ей на плечо.

– Минни, ты ужасно выглядишь. Откинься на спинку кресла и расслабься, а я приготовлю тебе что-нибудь выпить. Потом, если хочешь, можешь рассказать мне все.

Минни покачала головой. Две слезы медленно выкатились из ее глаз и поползли вниз по щекам. Она сказала:

– Ты ничего не сможешь поделать – никто не сможет. Раз она решила выдворить меня, мне придется уйти.

Энтони придвинул стул и сел рядом с ней.

– Откуда ты знаешь, что она решила тебя выдворить?

Две слезы упали на ее дрожащие руки. На их месте появились другие, такие же горькие, тихие. Минни не повернула головы, не взглянула на него, не изменила голоса.

– Я пошла в малую гостиную спросить ее о чем-то – уже не помню о чем. Открыв дверь, услышала, как она произнесла мое имя. Она сказала: «Я слышала об очень подходящем месте для Минни. Тетушка Бренды Грей нуждается в компаньонке. Минни – прирожденная компаньонка».

Лицо Энтони помрачнело и посуровело.

– С кем она разговаривала?

– С Джимми. – Ее сдавленный голос впервые дрогнул.

– А он что сказал?

– Он как будто не понял.

– Так-так?

– Она говорила с ним. Сообщила, что я съезжаю, и Джимми спросил, почему. Она внушила ему, что я сама хочу съехать. Сказала, что это хорошо, так как ей не придется предупреждать меня о выселении. Здесь будет дворецкий и две горничные, и она сказала, что я не смогу приспособиться.

– Но, Минни, ты жила здесь в те годы, когда тут был полный штат прислуги.

– Двадцать пять лет, – проговорила Минни, – это долгий срок. Но я помогала Марсии, после ее смерти заботилась о девочках. А теперь для меня здесь нет места.

– Джимми не позволит выдворить тебя, – сказал Энтони с надеждой.

Она повернулась лицом к нему. Слезы продолжали струиться, но взгляд Минни был уже не застывшим, а кротким и очень печальным, как ее голос:

– Дорогой мой, нельзя втягивать его в эту историю. Так не годится. Не нужно вставать между мужем и женой. Это нехорошо и лишь приводит к неприятностям. Раз она хочет, чтобы я ушла, я ничего не могу поделать – только уйти. – Руки ее продолжали дрожать. Минни встала. – Энтони, ты был очень добр. Извини, что я расклеилась. У меня просто не было времени взять себя в руки. Шок, неожиданная встреча с тобой... и твоя доброта.

Минни быстро вышла из комнаты, оставив позади весьма рассерженного молодого человека. Легко было сказать, что никто ничего не сможет поделать, но Энтони никак не собирался опускать руки. Подумал, что, видимо, лучше всего будет поговорить с самой Лоис. Джимми можно довести до крайности, но невозможно удержать там, не задев одного из полудюжины его принципов. Изгнание Минни – затронет ли оно какой-то из них или нет? Не исключено. Разговаривать с Джимми очень трудно. Он будет уступать, уступать, уступать, а потом вдруг упрется и ни в какую. Энтони видел это десятки раз – иногда речь шла о пустяках, иногда о важных проблемах. Но мелкие или значительные, все вопросы были как-то связаны с Леттер-Эндом...

Гостеприимство его дома как раз и может оказаться той почвой, на которой Джимми будет упорно стоять до конца. Энтони был почти уверен, что Лоис не заставит его выгнать из дома Элли или Джулию, как бы ни подолыщалась к нему. Относилось ли это и к Минни, он не знал. Может быть, да, может, и нет. Джимми непредсказуем. Энтони решил, что стоит поговорить с Лоис, и, если дело дойдет до ссоры, он с большим удовольствием выложит все, что о ней думает. Само собой, сперва нужно будет поговорить с Джимми. Пусть Джимми скажет ему о планах Лоис. Он охотно выложит все близкому человеку.

Из окна Энтони увидел Лоис, идущую с корзинкой к розарию. Нужно поговорить минут десять с Джимми и последовать туда за ней. Если возникнет ссора, розарий для этого превосходное место – от дома далеко, никто не вмешается.

Разговор с Джимми занял четверть часа. Кузен был так расстроен, что нуждался в утешении. Он расхаживал взад-вперед по кабинету, ерошил волосы и спрашивал, почему Минни захотела покинуть их после стольких лет.

– Я думал, она любит нас всех, думал, она здесь счастлива. Но Лоис говорит, она хочет съехать – я не могу этого понять!

– Может, Лоис сумеет уговорить ее остаться.

Джимми повеселел:

– Да-да, – Минни не может всерьез хотеть уйти – Лоис должна убедить ее!

– Думаю, Лоис сможет. Очевидно, Минни взбрело в голову, что она здесь нежеланна.

Вот и все, что отважился сказать Энтони, но Джимми ухватился за это.

– Вот-вот! Чего только не выдумывают женщины. Минни всегда себя принижала. Она совершенно бескорыстна – всегда была такой, – и готова сделать для каждого все, что угодно. Может, вообразила, что стала никому не нужна. Как нам теперь быть?

– Ты не будешь против, если я поговорю об этом с Лоис?

Джимми повеселел еще больше.

– Нет, конечно, нет – с какой стати? Блестящая идея. Знаешь, меня очень расстраивает мысль, что я не докопался до сути дела. Не помню, чтобы меня что-то так сильно расстраивало. Мне это не по душе, Энтони, совершенно не по душе. Да ведь – дай припомнить – Минни на три года младше меня, а мне пятьдесят один. Она живет здесь двадцать пять лет. Когда она поселилась здесь, ей было двадцать три, она была очень хорошенькой. И с тех пор она здесь, как родная. Никак не могу этого понять. Иди, поговори с Лоис, и постарайся добраться до сути.

Энтони нашел ее в самом романтическом окружении. Красивая миссис Леттер в своем розарии, солнце первых дней осени ярко освещает ее золотисто-каштановые волосы, безупречную свежую кожу, никогда не покрывавшуюся ни загаром, ни веснушками. Льняное платье медового цвета превосходно сочетается с сентябрьскими цветами. Корзинка на ее руке заполнена розами всевозможных медно-красных оттенков.

Чувство меры Энтони восстало. Ссора здесь станет вопиющей нелепостью. Что ж, может, в ней и не будет необходимости. Как-никак, в уме Лоис не откажешь. Нет ни малейшего смысла расстраивать Джимми, устраивая скандал.

Когда он подошел, Лоис очаровательно улыбнулась.

– Как мило с твоей стороны! Я как раз хотела, чтобы кто-нибудь понес корзинку.

Энтони взял корзинку с цветами.

– Ты любишь, чтобы тебе прислуживали, так ведь?

– Очень.

– Джимми говорит, ты собираешься снова завести целый штат прислуги – дворецкого и горничных.

Лоис срезала ножницами еще одну розу и беззаботно сказала:

– Да – это будет облегчением!

Вместо того чтобы опустить розу в корзинку, Лоис поднесла цветок к носу Энтони.

– Ну? Разве не так?

– Может быть. Сейчас Джимми очень расстроен.

Она издала журчащий смешок.

– Это из-за Минни. Ничего, переживет. Надеюсь, ты не подстрекал его?

– Он не нуждается в подстрекательстве. Послушай, Лоис, мы были хорошими друзьями и никогда не ходили вокруг да около. Почему ты выгоняешь Минни? Я знаю, ты сказала Джимми, что она хочет уйти, но я с этим не примирюсь.

– Дорогой, как грозно!

– Я хочу знать, зачем ты это делаешь.

Теперь Лоис щелкала ножницами: срезала то лист, то засохший бутон. Она с улыбкой поглядывала на Энтони.

– Видишь ли, я думаю, что она живет здесь слишком долго.

– Почему?

– Мой дорогой Энтони, она прирожденная компаньонка для старой леди. Я не старая леди, и мне компаньонка не нужна. Откровенно говоря, мне не нужна Минни. Я не хочу сидеть с ней за столом, не хочу встречать ее в доме – она мне действует на нервы. Минни может уйти и стать сокровищем для старой мисс Грей.

– И быть съеденной заживо, как все остальные ее компаньонки за последние пятнадцать лет!

Лоис засмеялась:

– О, Минни против не будет. Она прямо-таки просит, чтобы об нее вытирали ноги.

Помолчав немного, Энтони сказал:

– Знаешь, Лоис, я бы не стал особенно давить в этом деле на Джимми. Я знаю его всю жизнь, он способен на неожиданные поступки. Думаю, это одна из тех проблем, которые лучше...

Он стал подыскивать подходящее слово, и Лоис подхватила:

– Лучше для кого, дорогой?

Энтони ответил:

– Для тебя.

– Право же, Энтони!

– Лоис, послушай! Джимми от тебя без ума, пляшет под твою дудку. Ты думаешь, что знаешь его. Думаешь, что он покладистый, и он действительно такой – до известного предела. Не советую теснить его за этот предел. Иначе он может стать непредсказуемым.

Лоис презрительно засмеялась.

– Столько шума из-за Минни Мерсер! Будто она что-то собой представляет!

Энтони взглянул на нее как будто с оценивающим выражением.

– Не глупи. Ты разумная женщина, и не строй из себя дуру. У Джимми есть привязанности. Уверяю, тебе лучше относиться к ним с уважением. В противном случае можешь разбить что-то такое, чего уже не склеишь. Если не хочешь видеть Минни за столом, отведи ей комнату – она будет счастлива. Она не станет соваться на твои вечеринки – будет только рада оставаться в стороне. И от нее будет польза. Я знаю, что она штопала для Марсии и для всех в доме.

– Благодарю – Глэдис Марш шьет все, что мне нужно. И развлекает меня. Послушал бы ты ее рассказы о деревенских жителях! Нет, Энтони, этот разговор бессмысленен. И не продолжай, иначе я рассержусь. – Лоис нежно посмотрела на него и рассмеялась. – Будь на твоём месте кто-то другой, я бы вышла из себя, но ты не должен пользоваться моим хорошим отношением. – Она подошла поближе.

Энтони сурово произнес:

– Минни живет здесь долгое время.

Щеки Лоис окрасил природный румянец. Она вкрадчиво заговорила:

– И влюблена в Джимми. Дорогой, что же ты молчишь об этом? Влюблена все то долгое время, о котором ты твердишь. Знаешь, я не нахожу это достоинством.

Энтони улыбнулся. Будь здесь Джулия, она поняла бы по этой улыбке, как он разозлен.

– Моя дорогая Лоис, хочешь, чтобы я поверил, будто ты ревнуешь его к Минни? Прошу тебя, будь серьезной, если можешь. Мы в течение двадцати пяти лет считали Минни членом нашей семьи. Другой у нее нет. Мы все немало пользовались ее добротой, но очень привязаны к ней. Она любит всех нас гораздо больше, чем мы того заслуживаем. Она обожает Джимми. Так наивно, смиренно, что даже самое ревнивое на свете существо не могло бы не сделать исключения из правила. Будь великодушна, оставь бедняжку в покое. Если выгонишь Минни, ее это просто убьет. Джимми всегда видел в ней члена семьи. Оставь ее в покое, он никогда не посмотрит на Минни иначе.

Улыбка Энтони исчезла. Смуглое лицо было серьезным.

Лоис подняла розу и легонько ударила его по щеке.

– Дорогой, тебе следует быть адвокатом. Я чувствую себя коллегией присяжных. И теперь мне нужно обдумать свой вердикт.

– Лоис, измени его.

– Посмотрим. А теперь пошли, поможешь мне с цветами.

Глава 10

Недели через две после этого мисс Мод Сильвер приняла посетителя. Поскольку он явился не по записи, она его не ждала. Мысли ее были заняты приятными семейными делами. Племянница Этель, муж которой управлял банком в одном из центральных графств, написала отрадное сообщение о том, как ее сын Джонни обживается в частной школе. Весьма отрадное, ничего не скажешь. Не хочется думать, что ребенок тоскует по дому. Но Джонни разумный и спокойный парнишка и, наверно, будет хорошо успевать.

Жаловаться на жизнь мисс Сильвер не могла. Она не только ничуть не пострадала во время войны, но и ее квартира в Монтегю Меншнз осталась цела, не считая же нескольких разбитых окон. Шторы пострадали, что правда, то правда, но они достойно несли долгую службу, и теперь она смогла заменить их ярко-синими, под цвет ковра. Этот ярко-синий цвет она до сих пор называла «павлиньим», но теперь его все зовут «бензиновым». Роза, названная как угодно иначе, все равно будет пахнуть приятно, но цвет под таким отвратительным названием, как «бензиновый», теряет половину своей привлекательности, по крайней мере, для слуха. Поэтому мисс Сильвер продолжала называть свои шторы «павлинье-синими».

Потертый край ковра был теперь упрятан от взгляда под книжный шкаф, и сам ковер мог еще служить два или три года, но она подумывала о новых чехлах для старых викторианских кресел с широкими сиденьями, гнутыми ножками и резными ореховыми подлокотниками. Она приобрела бы их этим летом, если б Джонни не пошел в школу, но ей доставляло искреннее удовольствие помогать Этель в его экипировке.

Мисс Сильвер очень прямо сидела в одном из кресел, ждущих новых чехлов, аккуратная и старомодная, начиная с волос, с челки, завитой мелкими колечками, и изящных локонов сзади. Волосы удерживала в строгом порядке сетка, а ноги в черных нитяных чулках – зимой чулки были бы шерстяными – были обуты в черные, расшитые бисером шлепанцы. Где она доставала бисер, было такой же глубокой тайной, как и те, раскрывать которые ей приходилось в профессиональной деятельности. Детектив-сержант Эббот из Скотленд-Ярда, ее преданный поклонник, утверждал, что эта тайна непостижима. Одета мисс Сильвер была в темно-коричневое платье искусственного шелка с отвратительными зелеными и оранжевыми точками и черточками, образующими бессмысленные группы. Два года назад платье было новым, и в носке оно оказалось неважным. Фрэнк Эббот надеялся на его скорую кончину. Оно было заколото у горла брошью из мореного дуба в форме розы с жемчужиной посередине. Пенсне ее поддерживала тонкая золотая цепочка. Поскольку мисс Сильвер пользовалась линзами только для чтения мелкого шрифта, цепочка была прикреплена к левой стороне лифа платья золотой брошью. Юбка выглядела бы вышедшей из альбома с фотографиями конца девятнадцатого века, если бы ее подол был на несколько дюймов длиннее и доходил до пола.

О том, что мисс Сильвер продолжала духовно жить в том времени, отчетливо свидетельствовали мебель середины пятидесятих годов и картины на оклеенных узорчатыми обоями стенах – это были репродукции наиболее знаменитых полотен Викторианской эпохи. Время от времени хозяйка перевешивала картины из спальни в гостиную и наоборот. Сейчас картина «Мыльные пузыри»² висела над камином вместе с «Черным брауншвейгским гусаром»³ и «Монархом горной долины»⁴ по обеим сторонам, а «Надежда»⁵, «Пробуждение

² Художник Джон Эверетт Милле (1829–1896).

³ Он же.

⁴ Художник Эдвин Генри Ландсир (1802–1873).

⁵ Художник Джон Фредерик Уоттс (1817–1904).

души»⁶ и «Гугенот»⁷ украшали другие стены. Каминная полка, верх книжного шкафа и различные столики были заставлены фотографиями в плюшевых и серебряных рамках. Иногда они сочетались – серебряная филигрань на плюше. Но на фотографиях были юные – большей частью очень юные. Были маленькие дети всех возрастов – дети, которые могли бы не родиться, если б мисс Сильвер не вмешалась, чтобы вывести на свет сокрытые причины зла и спасти невиновных. Отцы и матери детей тоже были на фотографиях – сильные молодые мужчины и хорошенькие юные женщины с долгом благодарности маленькой, немодно одетой старой деве с четкими чертами лица и мышиного цвета волосами. Это была ее портретная галерея, перечень ее дел, и она ежегодно пополнялась.

Мисс Сильвер перечла постскрипtum письма Этель Беркетт:

«Не знаю, как благодарить вас за все. Джонни в этом году больше чулок не понадобится, но если у вас осталась эта серая шерсть, буду очень благодарна за чулки для Дерека. Он растет очень быстро».

Вкладывая письмо обратно в конверт, она улыбнулась. Шерсть для чулок Дерека была смотана в клубок, и полдюйма резинки уже связано.

Когда она встала, чтобы отложить письмо, ее бесценная Эмма открыла дверь и объявила:

– Мистер Леттер...

Мисс Сильвер увидела худощавого мужчину со свежим цветом лица и обеспокоенным видом. Таким было ее первое впечатление от Джимми Леттера – худощавость, свежесть и беспокойство. Когда усадила его напротив, продолжая работать спицами, она пришла к выводу, что это живущий за городом джентльмен, редко бывающий в Лондоне. Его одежда от хорошего портного была отнюдь не новой. Еще довоенной. Такая хорошая ткань появилась вновь лишь совсем недавно.

Если одежда этого джентльмена была старой, а возраст средним, беспокойство его, поняла мисс Сильвер, началось недавно. Длительная тревога оставляет заметные следы. На свежей коже мистера Леттера не было удручающих складок. От глаз расходились морщинки, оставляемые смехом, губам смех тоже придавал характерную форму. В чем бы ни заключалась его тревога, срок ее был небольшим. Мисс Сильвер улыбнулась и спросила:

– Чем могу быть полезна?

Джимми Леттер ломал голову, зачем пришел к ней и как ему уйти. Эта улыбка изменила направление его мыслей. Приятная маленькая женщина, дружелюбная маленькая женщина. С ней уютно. И комната уютная. Неплохие картины. Ему вспомнилось, что такая же, как над камином, висела в гостиной миссис Мерсер, когда он и Минни были детьми. Эта маленькая женщина чем-то напомнила ему Минни. С ней спокойно – она тебя не торопит. Джимми ответил:

– Ну, не знаю – то есть не знаю, можете ли вы здесь что-то поделать. И нужно ли что-то делать.

– Но ведь вы приехали ко мне, мистер Леттер.

Он потер переносицу.

– Да, понимаю: совершаешь такие поступки, а потом сознаешь, что свалил дурака.

Мисс Сильвер снова улыбнулась:

– Если для вас это очень важно, я не буду так думать.

– Ну, ладно, – сказал Джимми и стал возиться с извлеченной из кармана связкой ключей. – Знаете, в прошлом году я услышал о вас от Стеллы Дандес – моей дальней родственницы. Как только она вас не расхваливала.

⁶ Художник Джеймс Сент (1820–1916).

⁷ Художник Д.Э. Милле.

Спицы мисс Сильвер щелкали. Чулок Дерека вращался. Руки она держала низко, вязала очень быстро, на континентальный манер.

– Я очень радовалась, что смогла помочь миссис Дандес. Дело было пустяковым.

– Для нее нет – она очень дорожила этим жемчугом. Говорила, что просто чудо, как вы нашли вора.

Мисс Сильвер опустила голову.

– Мистер Леттер, у вас что-нибудь украли?

– Нет, ничего. – Джимми позвякал ключами. – Честно говоря, дело гораздо серьезнее. Послушайте, если я все расскажу, это останется секретом, так ведь?

Мисс Сильвер негромко кашлянула.

– Естественно, мистер Леттер. Это само собой разумеется.

Он заколебался, раскачивая ключи туда-сюда.

– Думаю, вам приходилось выслушивать довольно странные истории?

Она улыбнулась снова.

– Не нужно спрашивать, что мне говорят другие клиенты.

– Конечно, конечно – я другое имел в виду. Но обсуждать это не следует. Собственно, я сам в это не верю. Дело в Лоис – моей жене. Она думает, что ее кто-то пытается отравить.

– Боже мой! – произнесла мисс Сильвер. А потом спросила: – Почему она так думает?

Джимми Леттер взъерошил волосы.

– В общем, все началось с ее визита к этому типу Мемнону. Полагаю, вы слышали о нем.

Мисс Сильвер неодобрительно кашлянула и отозвалась:

– О да.

– Так вот, он сказал, чтобы Лоис береглась яда. И знаете, она не думала об этом, пока у нее не начались эти странные приступы.

– Что за приступы?

Джимми выглядел очень обеспокоенным и говорил с тревогой.

– Тошнота и рвота. Раньше у нее не было ничего подобного, и начались они ни с того ни с сего.

– Ваша жена не ходила к врачу?

– Нет – не хочет к нему обращаться.

– Почему?

– Говорит – какой смысл? Если кто-то хочет отравить ее, врач не сможет им помешать – тут ничего нельзя поделать, так ведь? Вот что она говорит.

– Не могу с этим согласиться. Мне бы хотелось узнать побольше о приступах. Когда произошел первый?

– Недели две назад. Лоис была в городе и отправилась к этому типу Мемнону, и он ее предостерег, как я вам сказал. Она вернулась домой – мы устраивали семейную вечеринку. После обеда, когда все мы сидели в гостиной, Лоис вдруг выбежала из комнаты. Вскоре вернулась, и о том, что произошло, я узнал только впоследствии, но, кажется, ей было очень плохо. Это был первый раз.

Мисс Сильвер покашляла.

– Долго отсутствовала?

Джимми уронил ключи и нагнулся за ними.

– Около четверти часа – не дольше.

– Вы специально заметили время?

– Я всегда замечаю, когда ее нет.

– И как ваша жена выглядела, когда вернулась?

Он ответил с полнейшей простотой:

- Я подумал: какой красивой она выглядит.
- Мисс Сильвер несколько секунд молча вязала. Потом спросила:
- Видел ее кто-нибудь во время приступа?
- Да, видела Минни Мерсер – мисс Мерсер.
- Я попрошу вас назвать всех домашних. Вы сказали, у вас была семейная вечеринка. Сейчас я хотела бы знать, ела или пила миссис Леттер что-нибудь такое, к чему не притрагивались остальные.
- Только кофе, – сообщил Джимми Леттер.

Глава 11

Выяснив, что кофе по-турецки пила только миссис Леттер, что его приготовила кухарка на кухне, добавив в него чуточку ванили, и чашку поставили на поднос вместе с сахарницей и графинчиком с коньяком в кладовой, куда мог войти любой из домашних, мисс Сильвер медленно покачала головой и сказала:

– Совершенно непонятное происшествие. Когда случился очередной приступ?

– На другой день, после ленча.

– Был он сильнее или слабее?

– Примерно таким же.

– Видели вы этот приступ?

– Да, видел. Ее сильно рвало, бедняжку.

Мисс Сильвер быстро вязала.

– Но ваша жена вскоре оправилась? Болезненных последствий не было?

– Слава богу, нет.

– Так, мистер Леттер, – что ела ваша жена за ленчем, чего не ели другие?

Джимми снова взъерошил волосы.

– Это и приводит меня в недоумение – ничего такого.

– Кофе не пила?

– Нет.

– Спиртного?

– Лоис не пьет спиртного за едой. Худеет, понимаете – но у нее очень красивая фигура, ей не нужно худеть.

Резинка на чулке Дерека была уже длиннее дюйма. Спицы быстро мелькали.

– Мистер Леттер, будьте добры, скажите, что вы ели.

Джимми потер нос.

– Так, постараюсь вспомнить. Наверно, смогу, мы с Минни потом все перебрали, чтобы выяснить, от чего Лоис стало плохо, но ничего не нашли. На столе были холодная баранина, салат-латук, свекла, помидоры и картофель в мундире. Потом пикантный сыр, но Лоис его не ела, и фруктовый салат в сиропе. Она съела порцию, но его ели и я, Элли, Энтони и Джулия.

– Салат был в разных салатницах?

– Да.

– Кто подавал его?

– Поднос стоял перед Лоис. Она взяла одну салатницу, потом раздала остальные.

– Себе она взяла сама?

– Да, определенно.

– У нее была какая-то причина брать именно эту салатницу, а не другую?

Джимми снова уронил ключи, но на сей раз не стал их поднимать.

– Да: в ней не было сливок. Я даже не подумал об этом – Лоис не ест сливок.

Мисс Сильвер на несколько секунд прекратила вязать и серьезно посмотрела на него.

– Кто имел доступ к ним после того, как кухарка приготовила салат?

Джимми пустился в объяснения:

– Энтони – мой двоюродный брат Энтони Леттер – собрал тарелки и унес их. У нас нет надлежащего штата прислуги, поэтому мы обслуживаем себя сами... Джулия и Элли, мои сводные сестры – миссис Стрит и мисс Уэйн – ходили туда-сюда... Минни тоже. Я не хотел, чтобы она что-то делала, и без нее там было много людей, но она тоже ходила. Кажется, Джулия принесла сыр, а Минни салатницы. Она всегда что-то делает – такая услужливая.

Мисс Сильвер положила вязанье на подлокотник кресла и встала.

– Думаю, мистер Леттер, прежде всего вам нужно продиктовать мне сведения о своих домашних. Чтобы у меня не возникало путаницы.

Подняв ключи и последовав за ней к письменному столу, Джимми виновато подумал, что в этой путанице виноват только он. Если бы его мачеха не вышла снова замуж, объяснить все было бы гораздо легче, но тут еще и Минни, никакая не родственница...

Тут Джимми пришло на ум, что, если бы не Марсия с ее близнецами, Минни вообще не появилась бы в доме. Он понял, что не может представить себе последние двадцать пять лет жизни без нее и не видит без нее будущего. А мисс Сильвер тем временем достала ярко-красный блокнот, написала заголовок и, не отводя карандаша, ждала нужных ей сведений.

Нельзя сказать, что манера, в которой Джимми излагал их, могла что-то прояснить. Но мисс Сильвер была опытной и настойчивой. Когда он уклонялся в сторону, она возвращала его назад, когда путался, находила нить и распутывала ее. В конце концов она аккуратным почерком записала в свой красный блокнот всех:

Мистер Джеймс Леттер, 51 год – владелец усадьбы Леттер-Энд, деревня Рейл.

Миссис Леттер, 37 лет, в прошлом миссис Даблдей – состоит в браке два года.

Энтони Леттер, 29 лет – двоюродный брат, недавно демобилизованный, собирается вступить в семейный издательский бизнес младшим партнером.

Мисс Джулия Уэйн и миссис Стрит, по 24 года – близнецы, дочери мачехи мистера Леттера. Муж миссис Стрит находится в госпитале в Крэмптоне. Мисс Уэйн занимается литературной работой в Лондоне, но часто приезжает в Леттер-Энд в последние две недели. До этого был большой перерыв.

Мисс Минни Мерсер – дочь покойного доктора Джона Мерсера, семейного врача жильцов Леттер-Энда. В доме появилась после того, как миссис Уэйн вернулась в Леттер-Энд. Близнецы родились через несколько месяцев.

Миссис Мэнипл, 70 лет, кухарка-экономка – работает в Леттер-Энде пятьдесят четвертый год.

Полли Пелл, 17 лет – судомойка.

Миссис Хаггинс – приходящая по вызову прислуга.

Не особенно длинный список, не так уж много сведений, но потребовалось немало времени, чтобы их записать.

Мисс Сильвер выпрямилась в кресле и, не откладывая карандаша, негромко кашлянула, привлекая к себе внимание.

– А теперь, мистер Леттер, скажите мне, держит ли кто-нибудь из этих людей зло на вашу жену?

– С чего бы?

– Вот я и хочу узнать от вас. К примеру, вы сказали, что мисс Уэйн, которая сейчас приезжает часто, не бывала у вас долгое время из-за напряженных отношений. С кем у нее случилась ссора? С вашей женой?

– Ну, собственно, это не было ссорой. Видимо, я создал у вас неверное впечатление. Надеюсь, вы этого не записали. Просто они оказались недовольны друг другом – во всяком случае, Джулия. Лоис отнеслась к этому по-ангельски – она никогда не держит зла – и всегда говорила, что Джулия станет приезжать. Так и вышло.

– Ссоры не было?

Джимми покачал головой:

– Для нее не было причины. Я очень люблю Джулию – любил всегда, – но она часто вспыливает. Девушка очень добрая, но импульсивная – не дает себе времени подумать. Элли совсем другая – мягкая. Жаль ее, муж потерял ногу...

Он принялся рассказывать о Ронни Стрите, но мисс Сильвер вернула его к теме разговора.

– Все понятно, мистер Леттер. Надеюсь, он вскоре будет в состоянии получить то место, о котором вы говорили. Теперь о мисс Мерсер. Вы сказали, что она покидает ваш дом, прожив там двадцать пять лет. Это из-за какого-то разрыва с вашей женой?

Джимми заметно огорчился:

– Нет-нет – конечно, нет. Она хочет уйти.

Мисс Сильвер кашлянула.

– Мистер Леттер, это не ответ на мой вопрос. Почему мисс Мерсер хочет уйти?

Он провел ладонью по волосам.

– Не знаю. И это меня беспокоит – я знал Минни до того, как она поселилась в нашем доме. Видите ли, моя мать умерла при моем рождении, и отец не мог этого перенести. Отправился за границу – в путешествия, понимаете. Так вот, миссис Мерсер взяла меня к себе. Она только что потеряла ребенка. Минни родилась три года спустя. Мой отец женился снова, когда мне исполнилось пятнадцать. Я жил у Мерсеров, пока не пошел в частную школу, и потом приезжал к ним на каникулы. Минни мне все равно что сестра.

Мисс Сильвер пытливо рассматривала его маленькими неяркими глазами.

– Сестры и жены не всегда ладят, мистер Леттер.

Джимми потер нос.

– Да, это так. Не понимаю, почему женщины не живут в ладу друг с другом. Вот и Лоис – с Минни невозможно посориться. Она из тихих, мягких девушек – вечно делает что-то для других, никогда не думает о себе. Но Лоис говорит, что Минни действует ей на нервы. – Он снова с силой потер нос. – Почему?

– Не знаю, мистер Леттер. Вполне возможно, что миссис Леттер тоже не знает. Но вы сказали достаточно о желании мисс Мерсер уйти из вашего дома.

Вид у него стал жалким.

– Я напрямик спросил Минни, почему она хочет уйти, но толку не добился. Достаточно взглянуть на нее, чтобы понять, как она несчастна. Я попросил ее остаться, но Минни лишь побледнела как полотно и вышла из комнаты.

Мисс Сильвер кашлянула.

– Так вот, мистер Леттер, двое ваших домашних не в особенно хороших отношениях с вашей женой. Что скажете о миссис Стрит?

Джимми около четверти часа рассказывал, как ангельски Лоис относится к Элли: «Заботится о ней, будто мать. И конечно, как она говорит, нельзя селить беднягу Ронни Стрита в нашем доме – Элли будет только совершенно выбиваться из сил».

Мисс Сильвер мысленно добавила Элли Стрит к перечню тех, кто не имеет особых причин любить миссис Леттер. Ее вопросы об Энтони Леттере тоже дали пищу для размышлений.

– О, Энтони добрый приятель Лоис – познакомился с ней еще до меня. Не скрою, он заставлял меня нервничать. Конечно, он немного младше ее, но Лоис выглядит гораздо моложе своих лет. И они постоянно бывали вместе – знаете, я не думал, что у меня есть шанс. Энтони красивый парень. Я никак не думал, что она обратит на меня внимание, но обратила – не могу понять, почему. Правда, Энтони последние два года был за границей – только что демобилизовался. Я говорил вам об этом.

У мисс Сильвер возник еще вопрос:

– У вашей кухарки, миссис Мэнипл, есть причина недолго любить вашу жену?

– Нет-нет.

– Она не получила предупреждения об увольнении?

Джимми ужаснулся:

– Разумеется, нет! Она же присутствовала при моем крещении.

Мисс Сильвер написала еще несколько строк в красном блокноте. Потом закрыла его, подняла взгляд и заговорила:

– Попрошу вас рассказать побольше о вашей жене и ее приступах. Два описанных вами произошли около двух недель назад. Думаю, вы не приехали бы ко мне, если бы после них ничего не случилось. Теперь, когда я знаю о ваших домашних, расскажите мне о более поздних случаях. Например, когда миссис Леттер начала думать, что кто-то пытается ее отравить?

– После второго приступа. Она рассказала мне, что ходила к этому типу Мемнону и что он предостерег ее относительно яда.

Мисс Сильвер кашлянула.

– Когда произошел очередной инцидент, мистер Леттер?

Джимми потер нос.

– Не знаю. Я был в отъезде – пришлось ехать в Девоншир, улаживать дела одной старой родственницы. Когда вернулся, Лоис ничего не сказала, но теперь говорит, что, пока меня не было, дважды чувствовала себя плохо. Признаться, я не придавал этому особого значения – решил, что у нее просто случилось расстройство желудка. Эти расстройства иногда случаются, так ведь? Что, например, в первый раз у нас было очень вкусное блюдо с грибами – там мог оказаться несъедобный гриб. Во второй раз фруктовый салат, политый кюммелем, – расстройство мог вызвать он. А когда я вернулся домой, Лоис выглядела совершенно здоровой, поэтому я решил, что у нее просто навязчивая идея из-за слов этого Мемнона.

– Вполне естественно, мистер Леттер.

– Однако на другой день после моего возвращения ей стало очень плохо, когда она выпила кофе.

– Кофе по-турецки, приготовленный специально для нее?

– Да. Лоис пила его, и мы разговаривали, и вдруг она сказала: «С этим кофе что-то неладно», поставила чашку и выбежала из комнаты. Я пошел за ней. Ее очень сильно рвало, бедняжку. Когда я смог оставить ее, то пошел взять кофейную чашку. Ее унесли в кладовую, но гуща сохранилась. Наутро я повез чашку в Крэмптон, в большую аптеку. На дне чашки оставалось много гущи, ее подвергли анализу.

– Так, мистер Леттер?

Джимми посмотрел на нее растерянно.

– И ничего не нашли.

Мисс Сильвер кашлянула.

– У вашей жены болезненное воображение?

– Я бы не сказал.

– Тогда существуют только две возможности. Первая – миссис Леттер вызвала эти приступы тем, что одержима мыслью о яде. Другая... – Мисс Сильвер выдержала небольшую паузу. – Мистер Леттер, приходило вам в голову, что с кофейной гущей в чашке могли что-то сделать?

Джимми как будто очень встревожился.

– Как это понять?

Она серьезно ответила:

– Если в кофе был добавлен яд, гущу могли выбросить, чашку вымыть и налить в нее другой кофе.

Джимми воззрился на нее.

– То же самое сказала Лоис, когда я вернулся и сообщил ей об анализе в аптеке. Сказала, что чашку, наверно, вымыли и сделать это мог кто угодно.

– Мистер Леттер, кто находился в столовой?

– Энтони, Джулия, Элли, Минни, Лоис и я.

– А миссис Мэнипл и эта девочка Полли в кухне?

– Да.

– Кто отнес чашку в подсобку?

– Минни.

– Была у кого-нибудь из остальных возможность вымыть ее?

– Минни этого не делала, – с жалким видом ответил Джимми. – Я ее спрашивал. Спрашивал всех – Лоис сказала, что, должно быть, кто-то из них ее вымыл. Но все ответили, что не мыли ее.

– Что сказала на это ваша жена?

– Что вымыть чашку мог кто угодно из них.

– Это действительно так?

– Видимо. Элли уходила поговорить с миссис Мэнипл, Джулия уходила искать ее. Вместе с Энтони.

– Они все время были вместе?

Джимми потер нос.

– Нет, не были – они часто ходили туда-сюда. Честно говоря, это раздражало: Лоис вбила себе в голову, что кто-то пытается ее отравить, и значит, думала, что это кто-нибудь из домашних.

Мисс Сильвер ненадолго закрыла глаза. Она видела в иллюстрированных изданиях снимки красивой миссис Леттер и теперь старалась припомнить эти фотографии. Посмотрев на Джимми, она произнесла:

– Я видела снимки вашей жены и хотела бы освежить свою память. Нет ли у вас случайно ее фотографии?

Джимми достал из внутреннего кармана бумажник и с гордостью протянул ей. Внутри был миниатюрный портрет на слоновой кости. Видя, как пристально разглядывает его мисс Сильвер, пояснил:

– Сходство здесь полное.

Мисс Сильвер долго разглядывала миниатюру. За это время ее представление о Лоис Леттер как о страдающей истерической фантазией особе рассеялось. Это был портрет решительной, волевой женщины. Очертания щек и челюсти, форма подбородка, изгиб губ красноречиво свидетельствовали об этом. Красивые красные губы были суровыми. Глаза при всей их красоте и ясности тоже казались суровыми. Эта женщина знала, чего хочет и как это заполучить.

Мисс Сильвер вернула бумажник, сказав, что сходство, очевидно, поразительное. Затем, когда Джимми подтвердил это, остановила на нем серьезный взгляд и спросила:

– Мистер Леттер, хотите узнать, что я думаю об этих происшествиях?

– Да, да, конечно, хочу.

– Но сперва скажите, пожалуйста, имел последний приступ тяжелые последствия? Например, вернулась ли ваша жена к компании в гостиную, как в прошлом случае?

– Да, вернулась, – ответил Джимми. – Рад сообщить, что Лоис выглядела совершенно здоровой.

Мисс Сильвер убедительно заговорила:

– Тогда сомневаюсь, что это была попытка отравления. Думаю, кто-то играл с ней шутку. Разумеется, очень дурную, злобную, однако не рассчитанную на серьезные последствия. Симптомы, которые вы описали, могут быть вызваны безвредным рвотным средством, ипекакуаной – лекарством, которое есть в большинстве домов. У него приятный сладковатый вкус, неощутимый во фруктовом салате или в кофе – особенно если в последний добавлены сахар и коньяк.

Лицо Джимми так внезапно приняло свое естественное выражение ребячливости, что ей на ум пришло нелепое сравнение с резиновой маской, которую можно растянуть до печального вида или сжать до веселого. Мисс Сильвер отогнала эту неуместную мысль и ответила улыбкой на его улыбку.

– Это замечательно... – начал было Джимми, но вдруг умолк. – Но никто в доме не станет устраивать такую шутку. Кто мог бы?

Мисс Сильвер кашлянула.

– Мистер Леттер, вы всерьез хотите, чтобы я ответила на этот вопрос?

Он уставился на нее.

– Еще бы, конечно.

– Тогда мне нужно приехать к вам и пожить в вашем доме.

– Вы приедете?

Она кивнула:

– Если хотите, чтобы я взялась за это профессионально.

Джимми отодвинулся вместе со стулом назад, хотел было встать, но передумал.

– Ну, не знаю, – неуверенно заговорил он. – Нет – право, не знаю. Не могу поверить, что кто-то из домашних способен на такое, никак не могу. Не считаю возможным поместить их под пригляд детектива – это приведет к всевозможным ухищрениям.

– Им будет необязательно знать, что я детектив.

Джимми покраснел.

– Нет, сделать этого я не могу, – торопливо сказал он и поднялся со стула. – Большое спасибо, что позволили приехать и увидаться с вами. У меня прямо-таки камень с души свалился. – В его голосе послышалось беспокойство. – Будьте добры, скажите, сколько с меня... я вам что-то должен, помимо огромной благодарности, так ведь?

При виде ее улыбки он почувствовал себя наивным мальчишкой.

– Нет, мистер Леттер, если не решите нанять меня. – Мисс Сильвер встала и протянула руку. – Позвольте дать вам совет?

– Буду очень признателен.

Джимми задержал в руке ее маленькую, прохладную ладонь. Она высвободила ее и заговорила:

– Не старайтесь объединять в одном доме людей, чуждых друг другу. До вашей женитьбы мисс Мерсер, в сущности, была хозяйкой в доме. Теперь она в ином, возможно, нелегком положении. Думаю, ее решение сменить место жительства разумно. Пожалуйста, не пытайтесь разубедить ее. То же самое с вашими двумя юными сводными сестрами, миссис Стрит и мисс Уэйн – пока вы не женились, Леттер-Энд был их домом. Думаю, им не стоит по-прежнему смотреть на него так. Всячески поощряйте их, если возможно, даже финансово, создать для себя дома и центры интересов... – После паузы мисс Сильвер добавила: – Думаю, вам следует подумать о пенсии своей старой экономке, если это можно сделать любезно. Такие старые слуги не всегда приспосабливаются к новым хозяйкам, а она, проработав у вас более пятидесяти лет, вполне заслужила обеспеченный покой. И вот еще что. Я настоятельно советую миссис Леттер не есть и не пить ничего такого, что приготовлено отдельно или тем более специально для нее. Всего доброго, мистер Леттер.

Глава 12

Через два дня Энтони Леттер позвонил Джулии в ее квартиру.

– Можно приехать, повидаться с тобой?

– Если тебя не пугает жуткий беспорядок. Я привезла из Леттер-Энда множество своих вещей – главным образом, книги – и распаковываю их. Весь пол в книгах.

Войдя через двадцать минут, Энтони обнаружил, что это преуменьшение. Книги не только валялись по всему полу, но и стояли стопками на всех стульях, громоздились на раздвижном столе и на диване, служившем кроватью Джулии. Сама Джулия в красном халате, похожем, стиранном с тех пор, как он видел его последний раз, но быстро покрывавшемся пылью, хмуро посмотрела на него.

– Ужас, так ведь? Не знаю, что происходит с книгами при распаковке – их кажется в десять раз больше. Должен прийти человек, повесить полки вокруг окна, и не знаю, как буду есть или спать, пока он не закончит. Я подумала, может, составить большие стопы по обе стороны двери?

– Ладно, давай сделаем каждый по стопе. Нет, я буду подносить тебе книги, а ты составлять их. Твоя одежда не пострадает, а моя определено.

– Пострадают твои драгоценные колени брюк! – отозвалась Джулия. – Ладно.

Они принялись составлять книги. Минуты через две Энтони спросил:

– Ну, как дела?

– Отвратительно!

Энтони приподнял бровь:

– В каком смысле?

Джулия с силой положила на стопу толстую книгу и ответила:

– Во всех, какие только могут прийти тебе в голову! Лоис клянется, что ее кто-то пытается отравить, Джимми, можно сказать, рвет на голове волосы, Элли своим беспокойством доводит себя до болезни, а у Минни совсем больной вид. Не знаю, как только я все это вынесла. Если бы не Элли, я бы не появлялась там, но оставить ее одну не могу. Мне требовался повод, чтобы приехать туда, вот я и привезла эти чертовы книги, но завтра поеду опять. Ты, наверно, не сможешь тоже поехать?

– Смогу, дорогая, – но ты говоришь это слишком уж соблазнительно.

Энтони увидел в ее взгляде такую мольбу, что противиться ей было трудно.

– Энтони, поехали! Право, это ужасно. Не думаю, что смогу разобраться с этим в одиночку, а разобраться нужно. У меня есть идея...

– Какого рода?

Джулия заколебалась.

– Эта проблема с ядом – она неприятна и, возможно, серьезна. У Лоис было пять приступов рвоты. Сами по себе они не страшны – ее вытошнит, и она снова в полном порядке. Так вот, либо она шутит над нами, либо кто-то шутит над ней. Она не хочет обращаться к врачу и клянется, что кто-то пытается ее отравить. – Джулия издала презрительный смешок. – Отравители так не действуют. Нет – она делает это сама или же делает кто-то, чтобы напугать или наказать ее.

Энтони покачал головой:

– Сама Лоис определено этого не делает.

– Да, я тоже так думаю. Слишком уж некрасиво. Значит, делает кто-то другой. Кто?

– Не знаю. Ты упомянула, что у тебя есть идея. Скажешь, в чем она заключается?

– Да, должна сказать. У меня ужасное подозрение, что, возможно, это Мэнни.

Он посмотрел на нее с тревогой, потом на его лице отразилось облегчение.

– Мэнни?

– Кто еще есть в доме? Элли, Минни, я, ты, Джимми? Понимаешь? Но Мэнни – тут я не уверена. Она ужасно сердилась, что миссис Марш отправляют в приют. Сказала – и это совершенно справедливо, – что Глэдис Марш не отважилась бы на это, если бы ее не поддерживала Лоис. Мэнни вся кипит из-за коттеджа Ходсона, из-за того, что Лоис не хочет видеть Ронни в Леттер-Энде, и... да еще многого. Бедная Минни стала последней каплей. Мэнни знает, что она уходит, и, естественно, знает, что причиной этому Лоис. А у нее в углу кухонного шкафа стоит бутылка с настойкой ипекакуаны, ей ничего не стоит добавить чайную ложечку в блюдо или напиток, приготовленные только для Лоис.

– Дорогая, до чего пылкое у тебя воображение!

– Если бы. Я бы не хотела так думать, но почти уверена, что это Мэнни. А это опасно, Энтони.

Энтони спокойно сказал:

– Доказательств нет. Что ты собираешься предпринять?

Он сидел на подлокотнике заваленного книгами кресла. Джулия, хмурясь, подняла на него взгляд.

– Не знаю... наверно, поговорю с ней.

Губы Энтони насмешливо изогнулись.

– И что станешь делать, если Мэнни, обливаясь слезами раскаяния у тебя на плече, во всем признается?

Джулия слегка побледнела.

– Наверно, нужно будет рассказать все Джимми, убедить его отправить Мэнни на пенсию.

– Пенсии для престарелых отравителей, – язвительно произнес Энтони. – Дорогая, наглости тебе не занимать! Но, предположим, она не признается – тогда что?

Глаза Джулии расширились. В косом свете из окна за его спиной они походили на озерца темной от торфа воды в солнечных лучах. Она медленно заговорила:

– Я не знаю. Не представляю, что тут делать. Это не дает мне спать по ночам. Понимаешь, Лоис у всех вызывает ненависть, а когда тебя ненавидят все окружающие, непременно происходит что-то жуткое. Это как в наэлектризованном воздухе – неизвестно, куда ударит молния.

Энтони холодно сказал:

– Дорогая, побереги драматизацию для великих романов.

Глаза Джулии гневно вспыхнули.

– Можешь смеяться, но ты не знаешь, каково это! Я не драматизирую, я излагаю тебе факты! Лоис то ли боится, то ли... не знаю что. Знаешь, каково это, когда человек ничего не выказывает, но чувствуешь, что он внутренне напряжен, это с ней и происходит. А Джимми не позволяет ей ни есть, ни пить ничего, приготовленного для нее специально. Хочет, чтобы она отказалась от своего отвратительного кофе по-турецки, она не соглашается, поэтому он, бедняга, тоже пьет его, и видно, что через силу. Конечно, он прекрасно знает, что раз сам пьет его, никто не станет устраивать такие шутки.

– Значит, приступов рвоты больше не было?

– После твоего отъезда нет. Послушай, это похоже на обвинение, разве не так? – Губы ее слегка растянулись, но до улыбки дело не дошло. Джулия взяла небольшую стопку книг, положила на большую стопу и сдержанно добавила: – Но, естественно, устраивать эти шутки ты не мог.

Энтони сидел, покачивая ногой, и наблюдал за Джулией.

– Ты хотела сказать мне комплимент – любезно отдать должное моей законопослушности?

– Нет. Ты вне подозрений, потому что...

Джулия внезапно прикусила губу и умолкла. Какую безмозглую дуру делает из тебя ревность. Однако если она постоянно тебя донимает, ты однажды не выдержишь и говоришь то, чего никак не собиралась.

Он насмешливо посмотрел на нее.

– Лестно, но неубедительно. Я бы хотел знать, почему ты не видишь во мне возможного отравителя.

Джулия ответила серьезно и бесхитростно:

– Потому что Лоис тебе нравится. Она была очень дорога тебе.

Энтони покачал головой:

– Дорогая, это не так.

Она неожиданно вспыхнула.

– Ты был влюблен в нее!

– Это совсем другое, мое дитя.

Вчерашний огонь давно догорел, вчерашний пепел остыл;
И ничего не купишь на деньги, что в прошлом году пропил.

У Джулии радостно екнуло сердце: Энтони говорил то, во что ей больше всего на свете хотелось верить. Екнуло и упало снова. А что еще он мог сказать? Не скажет ведь он ей или кому бы то ни было, что до сих пор влюблен в жену двоюродного брата. Она уныло проговорила:

– Завтра мне нужно вернуться туда, и там будет суший ад. Новая прислуга Лоис явится только через две недели, поэтому нам придется держаться там до тех пор. Элли и Минни работают, поэтому не могут уехать. Да и деваться им некуда. Минни, рада сказать, не пойдет к этой отвратительной старухе мисс Грей, Элли пока что не смогла найти комнату – Ронни отправляют в Брайтон, а там полно приезжих. Мне придется быть рядом, пока они там. Только надеюсь, что обойдется без финальной ссоры с Лоис.

Энтони издал сухой смешок.

– Уверена в себе?

Джулия резко заговорила:

– Я не должна ссориться с ней из-за Элли. И постоянно твержу это себе. Знаешь, Энтони, я не даю волю ненависти к ней, но могу дать.

– Дорогая, ты превосходно притворяешься.

Джулия посмотрела на него – глаза ее были мрачными, свет из них исчез, а брови сошлись в прямую черную линию.

– Я много думала об этом. Ненавидеть можно по-разному. Думаю, ненавидеть умом нормально. Умом ненавидишь не людей – ненавидишь отвратительные поступки, которые, наверно, всем ненавистны. Это нормально, но когда начинаешь ненавидеть сердцем, это опасно, это выводит тебя из душевного равновесия, и ненависть затмевает твой разум. Ты не знаешь, куда она тебя заведет, что вынудит сделать. Я всеми силами стараюсь ненавидеть только поступки Лоис, но иногда мне становится страшно.

Энтони встал. Слова Джулии сильно его затонули, но он не хотел этого показывать. Поднес ей с полдюжины книг и, когда она взяла их, положил руки ей на плечи и слегка встряхнул ее.

– Ты глупое дитя, но намерения у тебя добрые. Следуй им! Элли не будет пользы, если ты подольешь масла в огонь.

Джулия засмеялась, давая выход радости, которую всегда испытывала, когда он ее касался. Между ними не только шел разговор, но и, казалось, проходил сильный ток. Джулия искренне сказала:

– Я не хочу ссоры.

Глава 13

Энтони поехал в Леттер-Энд на другой день. Нехотя – интуиция восставала против этой поездки, но он поехал. Не по просьбе Джулии. Ему было трудно отказать ей, но он отказал. И надеялся упорствовать в своем отказе, однако в тот же вечер ему позвонил Джимми. Сказать «нет» Джулии было возможно, хотя и трудно. Сказать то же самое Джимми во время трехминутного телефонного разговора оказалось никак нельзя.

– У меня есть очень важная причина желать твоего приезда. Собственно, я хочу поговорить с тобой о девочках. Им потребуются какие-то деньги. Старая Элиза Рейвен оставила мне кое-что – ты знаешь, что я ездил улаживать ее дела. Так вот, я хочу передать эти деньги девочкам. Подумал, что, может, ты будешь их попечителем. А потом Минни – не скрою, я очень из-за нее расстраиваюсь. Мне нужно поговорить с тобой.

Говорить все время «нет» невозможно. Впоследствии Энтони задавался вопросом, изменилось бы что-нибудь, если бы он не приехал. Могло измениться очень многое, могло не измениться ничего. То, что зависело от злого умысла, возможно, было уже подготовлено. То, что зависело от случайности, могло случиться так, как случилось. Или, возможно, ничего случайного не было, и тогда трагедия оказалась бы гораздо тяжелее. Как повлияло на произошедшее его присутствие в Леттер-Энде, он так и не сумел решить. Несомненным было только, что, узнай он о предстоящем, то даже в последнюю минуту, даже в деревне Рейл, развернул бы машину и вернулся в город.

Энтони взял с собой Джулию. Что до ее настроения, то барометр поднялся, небо разъяснилось, светило солнце. То, что это был не по сезону дождливый сентябрьский день, не имело значения. Джулия возила свою погоду с собой, и когда рядом находился Энтони, пасмурных дней не случалось. Пусть бы бушевала буря, пусть бы произошло одно-два землетрясения, вспыхнул пожар – все равно бы потоками лился солнечный свет, красовались бы очаровательные радуги. В тот день ей было совершенно не важно, что идет дождь, что в сельской местности их взгляд упирается в мокрые живые изгороди и белые завесы тумана. Все равно можно было говорить. И Джулия говорила:

– А Лоис все-таки досталось по кумполу.

– Дорогая – что за выражение!

Она засмеялась:

– Знаю, знаю! Но иногда нужно давать себе волю. Иначе становишься зажатой и церемонной. Вот пишу я, соблюдая все правила.

– *Dulce est desipere in loco!*⁸ Ладно, от кого досталось Лоис по кумполу?

– От Джимми. Он встретился со старым Ходсоном на тропинке, и Ходсон отчитал его, как следует: «Такого не случилось бы во времена вашего отца, тем более деда – выгнать из дома бедного человека, чтобы пустить туда чужаков!» И все в таком духе. Джимми только стоял, разинув рот. А когда произнес: «Но я думал, вы хотели уехать к снохе», Ходсон ответил: «А кто сказал вам такую грязную ложь, мистер Джимми?»

Энтони присвистнул:

– И что последовало? Кстати, как ты все это узнала?

– Я была там. И не помню, когда так радовалась. Джимми сообщил Ходсону, что произошло недоразумение, что он может жить в этом коттедже, сколько хочет. Потом отправился домой и вышел из себя. Я ушла, но перед этим слышала, как он сказал Лоис, что она должна оставить управление усадьбой ему. Надеюсь, этот урок пойдет ей на пользу.

⁸ Отрадно предаваться безумию там, где это уместно! (лат.)

– Добрая надежда не принесет вреда, – сухо заметил Энтони. – Когда все это произошло?

– Перед моим отъездом оттуда. Энтони, я очень расстраиваюсь из-за Минни. Думаю, у Элли все будет хорошо, если мы поможем ей продержаться еще полгода. Джимми хочет оказать ей денежную помощь, и если она снимет комнату в Брайтоне, то сможет каждый день видаться с Ронни, и ей не придется заниматься изматывающей работой по дому. Думаю, у нее все будет в порядке – мне нужно так думать, иначе просто взорвусь. Но Минни – знаешь, она гордая при всей своей мягкости. Денег у Джимми не возьмет ни в коем случае. Вот что меня пугает – ей не на что будет жить. И вид у нее ужасный – Джимми очень расстраивается из-за этого. Сделать что-то может только Лоис. Мог бы ты поговорить с ней?

Энтони хмуро смотрел на длинную мокрую дорогу, убегавшую в туман.

– Уже говорил.

– Есть какая-то польза?

– Тогда я подумал, что да. По крайней мере, что есть надежда. Теперь так не думаю. Дело в том, что Минни действует на нервы Лоис – и тут ничего не поделаешь. Там все будет выметено под метелку и устроено по-новому. Думаю, после этого появляться в Леттер-Энде все мы будем нечасто.

После долгого молчания Джулия заговорила:

– Это почти как... ампутация, правда? Я не должна бы ощущать этого, потому что редко там бываю, но все равно больно. Глупо с моей стороны, но в числе некоторых вещей мне больше всего не нравится, что мамин портрет висит на стене за креслом этой женщины. Меня это больно ранит.

– Джимми отдаст тебе этот портрет, если попросишь.

Лицо Джулии потемнело.

– Не могу! Это все равно что выгнать маму из дома – ради *нее*!

Какое-то время они ехали в молчании, их обволакивал туман. Создавалось впечатление, что они находятся в комнате с белыми стенами, такой маленькой, что невозможно отодвинуться друг от друга. Энтони улавливал ее мысли – их ритм и окраску. Что улавливала Джулия, оставалось ее секретом. Вскоре она произнесла:

– У меня возникло желание поехать не туда.

Энтони непринужденно отозвался:

– Желания ничего не стоят. Куда тебе хочется?

– В Леттер-Энд десять лет назад.

Он засмеялся:

– Я только что окончил школу, а вам с Элли было по четырнадцать лет.

– И там не было никакой Лоис. Это был бы рай, правда? – Потом Джулия сказала с неожиданной силой: – Знаешь, что она теперь сделала? Взяла в дом эту мерзкую Глэдис Марш.

– А что случилось с Джо?

– Уехал к сестре в Девоншир. Будто бы затем, чтобы вступить в дело шурина. На самом деле его терпеть не могут в деревне – возмущаются тем, что он отправил мать в приют. А Глэдис терпеть не может Рейл – им хочется уехать. Наверняка чем скорее, тем лучше. Но пока что Глэдис в Леттер-Энде и ведет себя гнусно.

– Что она там делает?

– Что-то шьет, прислуживает Лоис – и по обязанности или нет подслушивает под дверями. Элли уперлась, сказала ей, что она должна сама убирать свою комнату, но та задрала нос: «Вот еще. От домашней работы грубеют руки, и я к этому не привыкла». – Джулия издала гневный смешок. – Я сказала Элли, что подниму скандал на весь дом, если она

сдастся, и Элли держится. Теперь Глэдис корчит из себя аристократку – с оскорбленным видом стирает пыль тряпкой и щеткой, словно никогда в жизни не делала уборки в комнате.

Энтони успокаивающе положил левую руку на колено Джулии.

– Дорогая, выключи газ и остынь! Если будешь так кипеть, то вся выкипишь и вспыхнешь, а этого нам не нужно. Лучше расскажи мне о своей новой книге.

Джулия бросила на него взгляд, гневный и вместе с тем нежный.

– Я занята не книгой, а этими неприятностями. Не могу писать, когда творится такое.

Однако тем не менее принялась рассказывать о книге.

Глава 14

Едва ступив в Леттер-Энд, Энтони убедился, что лучше было бы оставаться в городе, махнув рукой и на Джимми, и на дела. Десять дней назад, когда он уезжал, обстановка в доме казалась нерадостной, но то был рай по сравнению с тем, что обнаружилось теперь. Вид Минни прямо-таки ужаснул его. Она походила на лунатичку, не замечавшую окружающих в каком-то горестном сне. Ему вспомнилась картина, которую он видел однажды и с тех пор не мог забыть. Художник изобразил девушку, которую вот-вот расстреляют как шпионку. На картине она выглядела еле живой. И вспоминалась ему при каждом взгляде на Минни Мерсер. Неудивительно, что бедняга Джимми беспокоился из-за нее.

Во время разговора в кабинете с двоюродным братом Энтони забеспокоился и о нем. Что-то было неладно, и ему стоило лишь увидеть за ужином его и Лоис, дабы понять, что между мужем и женой возникли трения. Лоис выглядела превосходно и не упускала возможности покрасоваться. На Джимми она поглядывала с легким презрением. Обращалась к нему «дорогой» ледяным голосом – который тут же ласково смягчался при обращении к Энтони. Потом понижался почти до шепота, который Джимми, сидевший на другом конце стола, тщетно пытался расслышать.

Энтони сидел рядом с ней. От хозяйки нельзя отворачиваться. Нельзя пересесть на другое место. Он говорил довольно громко, старясь сделать разговор общим. Отвечала только Джулия. Элли выглядела изможденной. Минни пребывала будто во сне, а Джимми определенно находился в каком-то странном настроении. Обычно пьющий меньше всех, он налил себе такую большую порцию виски, что Лоис подняла брови, и выпил, почти не добавляя содовой. Потом повторил.

Вспоминая впоследствии этот вечер, Энтони задался вопросом, мог ли он своим поведением что-то изменить. И пришел к безысходному сознанию, что слишком много людей было вовлечено во все это. Существовало очень сильное подводное течение. Его усилий оказалось бы недостаточно, чтобы остановить поток, несущий их к катастрофе.

Если бы Джимми не попросил Джулию спеть, не настаивал бы, пока отказ не стал глупостью; если бы Энтони не пошел в сад с Лоис; если бы Джимми не взвинчивал свое упрямство, уязвленные чувства и смутные подозрения большими дозами виски; если бы Глэдис Марш не вздумала принимать ванну... Что проку во всех этих «если бы»? Порой нарастающий гнев, подобно огню, начинает поглощать то, что предназначено для тушения, обращать все усилия обуздать его в еще больший жар.

Устраивая в гостиной перестановки, Лоис убрала оттуда пианино. Считалось, что оно где-то хранится, но Джулия откровенно сказала, что Лоис его продала. Однако в классной комнате было старое пианино, и все перешли туда, когда Джимми потребовал, чтобы Джулия спела.

Лоис подняла брови и издала ледяной смешок:

– Мой дорогой Джимми, как допотопно! Я полагала, что с «чутьочкой музыки после ужина» давно покончено!

Он бросил на нее возмущенный взгляд:

– А вот я люблю музыку после ужина. Я хочу послушать пение Джулии. Не слышал его несколько лет. Садись и начинай. Может, пение подсластит этот отвратительный кофе.

Брови Лоис поднялись опять.

– Тебе не обязательно его пить.

– Черт возьми, ты прекрасно знаешь, почему я его пью.

Лоис засмеялась.

– Последняя причуда Джимми! – сказала она Энтони. – Если меня отравят, он отравится тоже. Трогательная преданность – не так ли? – Взяла свою чашку с подноса и подошла к окну, где Энтони стоял вполоборота к комнате. – Настроение у него отвратительное, правда? – Она даже не потрудилась понизить голос. – Мы поссорились из-за коттеджа Ходсона. Понимаешь, мне он нужен для Гринэйкров. И все было уже устроено – старик собирался ехать к снохе в Лондон, где за ним был бы должный присмотр. Но теперь Джимми разбивает мой замечательный план, говорит, что не потерпит этого. Что скажешь об этом? Я вне себя.

Энтони улыбнулся:

– Думаю, тебе лучше оставить этот коттедж в покое.

Лоис подалась к нему поближе.

– Пошли в сад, утешь меня. У тебя нет противоестественной тяги к сентиментальным песенкам, правда?

– Я хочу послушать, как поет Джулия.

Она бросила на него острый, язвительный взгляд, села на диван у окна и закурила.

Чуть поколебавшись, Энтони сел тоже. Он выпил свой кофе и поставил чашку на поднос. Джимми, кривясь, упорно допивал свой. Чашка Лоис, где оставалась только гуща, стояла между ними на широком дубовом подоконнике.

Энтони обратил взгляд на Элли, одиноко сидевшую в углу. Ему стало интересно, о чем она думает. Если бы он узнал, его бы это не особо обрадовало. Она вновь и вновь возвращалась к тому, что произошло днем в госпитале. Ну и что там произошло? Элли твердила себе: «Ничего – ничего – ничего». Но бессмысленно это говорить, когда ты сама не своя от горя. Ничего не произошло – совершенно ничего. Следует все время это повторять. Кажется, будто сидишь в лодке, которую заливают вода через невидимую течь, и воду нужно без остановки вычерпывать. Но если течь слишком велика, это бесполезно – вода зальет лодку.

Ей представлялось лицо Ронни, радостное, сияющее, каким она увидела его, войдя в госпиталь. И оказалось, что радовался он не ей. Элли с полминуты думала, что муж рад видеть ее, а потом он сказал, что медсестру Блэкуэлл переводят в Брайтон, в тот же санаторий, что и его. Медсестра Блэкуэлл была той самой хорошенькой смешливой девушкой. Она всегда выглядела такой свежей, будто ей не о чем было заботиться, кроме своей внешности. Ронни сказал: «Разве это не замечательно?» Элли ответила: «Замечательно...» Ее голос прозвучал угасающим эхом. И она почувствовала себя угасающей. В сердце проник какой-то холод.

Джулия взяла несколько аккордов и запела. Ее голос Энтони однажды назвал голосом сливок и меда – благозвучным, мягким, но ограниченного диапазона. Контральто часто бывают негибкими. Голос Джулии свободно лился в старых народных песнях, которые требовал Джимми, – «Барбара Аллен», «Дочь бейлифа». На манерно растянутое замечание Лоис: «Какая-то детская школа, вам не кажется?» – никто не обратил внимания.

Джимми попросил «веселую, что ты пела – со всеми животными. Мы еще называли ее “Зоопарк”».

Джулия засмеялась совершенно искренне.

– «Путь любовь найдет»? Ладно.

Она проиграла оживленную прелюдию и запела старую очаровательную песню:

По тропинкам горным,
По бурным волнам;
По пустыням черным,
По белым снегам;
В пучинах бездонных

Океанских вод;
В дебрях потаенных
Путь любовь найдет.

Даже не старайся
Ей грозить тюрьмой;
Даже не пытайся
Мнить любовь слепой;
Как ей ни препятствуй,
Сыщет в мраке брод;
В ходе трудных странствий
Путь любовь найдет.

Сокола ты сможешь
Приучить к руке;
Чудо-птицу феникс
Стиснуть в кулаке;
И голодной львице
Сунуть руку в рот;
Но сквозь твои границы
Влюбленный путь найдет.

На последнем слове Лоис встала и бросила окурочек в окно. Голос ее отчетливо прозвучал сквозь заключительные аккорды Джулии:

– Ну, оставляем вас наслаждаться народными песнями. Я к ним равнодушна. Мы с Энтони идем в сад.

Об этом Энтони тоже впоследствии задумывался. Если бы он остался там, сказал с такой же откровенностью холодно и совершенно правдиво, что любит старые песни, любит слушать, как их поет Джулия, изменилось бы что-нибудь? Возможно, Лоис тоже осталась бы, стала бы возиться с вещами, которые постоянно носила в сумочке – портсигаром, зажигалкой, пудреницей; говорить, не понижая голоса; играть на нервах у Джимми. Похоже, лучше было уйти с ней в сад, оставив Джулию повышать Джимми настроение.

Энтони перешагнул через низкий подоконник и протянул Лоис руку. Она задела свою чашку подолом платья. Чашка упала на пол и покатилась, но осталась цела.

Минни вышла из своего угла, чтобы поднять ее. Осмотрела чашку, потом поставила вместе с блюдцем на поднос.

– Чашка не разбилась, – сказала она, – только с ручки откололся крохотный кусочек. Марсия очень любила эти чашки, их осталось мало. Я рада, что она не разбилась.

Она говорила так, словно разговаривала с собой – словно была одна в комнате или одна в своем сне. Потом взяла поднос и ушла.

В саду Энтони всеми силами старался развлекать хозяйку. Во всяком случае, избрал для себя роль занимательного гостя. К сожалению, чтобы разыграть сцену, требуются двое. У Лоис была своя идея для сцены, какую она хотела разыграть. Прекрасный солнечный вечер; теплый воздух; пение птичек; яркие осенние краски цветочного бордюра – такой являлась декорация. А персонажи – что могло быть более многообещающим, чем скучающая красавица и мужчина, у которого некогда пределом мечтаний было заняться с ней любовью?

Лоис начала показывать ему, что не будет против его ухаживаний. Будь это и все, то ничего особенного. В словесной пикировке Энтони мог держаться с ней на равных. Но с

каждой минутой он ощущал в этой сцене что-то подспудное. Какой-то ток под опасно сильным напряжением, готовый заискриться.

Он начал искренне жалеть, что не остался дома. А потом Лоис внезапно изменила тон. Из него исчезла беспечность. Она сказала доверительным, искренним голосом:

– Энтони, я здесь смертельно скучаю.

Он с облегчением улыбнулся:

– Что я должен ответить – «Спасибо за комплимент»?

Теперь нахмурилась она:

– Я не могу жить здесь. Глупо было пытаться.

– Да ведь ты только начинаешь, – заметил Энтони. – Недели две назад ты только и говорила о том, что собираешься сделать.

Лоис сказала странно унылым тоном:

– Утрачено главное. Я не могу жить в деревне. Сниму квартиру в городе.

– Не думаю, что ты сможешь склонить Джимми жить там.

– Смогла бы, если бы постаралась, но стараться не стану.

Энтони проницательно посмотрел на нее. Такой Лоис он еще не знал. Она казалась подавленной и смотрела мимо него с каким-то заставшим выражением, ее зрачки сузились от света. Он небрежно произнес:

– Какой смысл ты вкладываешь в эти слова? Или не вкладываешь никакого?

Она негромко и упрямо ответила:

– Вкладываю. Думаю, ты понимаешь, что это за смысл.

– Надеюсь, что нет.

– Не надейся. Я не хочу и дальше жить так.

Энтони продолжал небрежным тоном:

– Потому что вы с Джимми поссорились?

– Нет, – Лоис сделала эффектную паузу, а потом добавила внезапно потеплевшим голосом: – Энтони, неужели ты не понимаешь, что жить и дальше так я не могу?

– Честно говоря, не понимаю.

– Не понимаешь? Так постарайся! Постарайся, прошу тебя. Два года назад я была дурой. Вот – говорю это сама. Если бы знать, что этот вопрос с Даблдеями не будет рассматриваться в суде... Знаешь, я не могу жить без денег – бессмысленно делать вид, будто это не так. В этом отношении я всегда была совершенно честной, правда?

– Совершенно.

– Я не могу жить без денег и не могу жить без людей. Мне нужно вернуться в город.

Энтони серьезно заговорил:

– Лоис, по-моему, ты ведешь себя глупо. Чего ради ты устраивала все эти перемены, если не собираешься жить здесь? Освобождаешь комнаты в доме, нанимаешь новый штат прислуги. Собираешься принимать гостей, приглашать людей сюда. Джимми не станет тебе препятствовать – он любит большое общество.

Она рассмеялась:

– Нет, препятствовать мне Джимми не станет.

Энтони не ожидал ее смеха, но невольно тоже засмеялся.

– Хорошо, тогда чего ты хочешь?

Лоис повернула голову и, улыбаясь, посмотрела мимо него.

– Скажу. Или, может, сам догадаешься. А когда я чего-то хочу, то обычно добиваюсь этого.

– Вот как?

Их взгляды встретились. Ее глаза искрились. Ток снова стал опасным. Она опять засмеялась:

– Я сниму квартиру в городе. Ты станешь навещать меня там, так ведь? По выходным можно будет устраивать здесь вечеринки, чтобы заставлять слуг пошевеливаться и давать деревне пищу для сплетен.

– Звучит замечательно. А теперь, может, вернемся в дом?

– И присоединимся к поющим? – Лоис понизила голос. – Боишься оставаться со мной наедине, дорогой?

Энтони нахмурился:

– Послушай, Лоис...

– Что, святой Антоний?

Его взгляд из-под нахмуренных бровей стал холодным.

– Надеюсь, ты понимаешь, что за игру ведешь.

– А ты?

– О, конечно. Ты поссорилась с Джимми и хочешь вызвать у него раздражение, флиртуя со мной. Говорю совершенно серьезно и откровенно, что у тебя ничего не выйдет и тебе следует быть осторожнее. Я не позволю использовать себя для того, чтобы раздражать Джимми!

Лоис посмотрела на него с соблазнительной улыбкой.

– Из тебя вышел бы очень симпатичный священник. Не подумывал о том, чтобы принять духовный сан?

– Лоис, послушай! Ты скучаешь. Ты сердита на Джимми...

– А ты кружишь мне голову. Продолжай, дорогой! Это так волнующе!

– Да, продолжаю. Я сказал, что тебе следует быть осторожнее, прислушайся же к моему совету. Я уже видел Джимми в раздражении – не часто, раза три-четыре. Так вот, тут неизвестно, чего от него можно ждать. Как-то он не поладил с отцом – мне об этом рассказывала Марсия, – тогда ему было около двадцати. Так он ушел из дома и пропал. Около года не знали, жив он или нет. Потом он вернулся – с самым приветливым видом, как ни в чем не бывало. Однако никогда не рассказывал, где был и что делал. Это Джимми в совершенно ином свете, правда?

– О да, очень интригующе. Хочешь предупредить меня, что Джимми исчезнет из моей жизни, если я погуляю с тобой полчаса в саду при дневном свете? Знаешь, кажется, я смогу это пережить.

Энтони посмотрел на нее с мрачной суровостью.

– Я пытаюсь тебя предостеречь. Ты постоянно добиваешься, чего хочешь. Уезжают девочки, уезжает Минни. Все мы разъедемся по своим делам, и дом станет всецело твоим. Ладно – ты этого хочешь. Но Джимми это не нравится. Он семейный человек и не видит никаких причин, мешающих семье по-прежнему вести родовую жизнь в Леттер-Энде. Это вовсе не современно – родственники так больше не живут. Так вот, обходись с ним помягче, пока все меняешь. Большинство людей не любит перемены. Джимми ненавидит их. Он вознес тебя на высоченный пьедестал. Сейчас не время его раскачивать: падать будет очень далеко.

Энтони было безразлично, разозлится Лоис или нет. Она не выказывала гнева, но стояла там, подняв лицо к его лицу и неотрывно глядя на него веселыми глазами.

– Ты говоришь, я добиваюсь, чего хочу. Я сказала тебе, что обычно так и бывает.

– Избавляешься от нас, так?

– Думаешь, я хочу избавиться от тебя?

На последнем слове было сделано отчетливое ударение. Лоис шагнула вперед и оказалась очень близко к нему. Не настолько, чтобы коснуться, но создалось ощущение касания – очень беспокойное ощущение.

Энтони часто бывал рад видеть Джулию, но больше всего обрадовался в эту минуту, когда она появилась из-за угла тисовой изгороди примерно в десяти футах. Джулия подошла к ним и твердо произнесла:

– Джимми хочет поиграть в бридж. Пойдете в дом, чтобы нас стало четверо?

Глава 15

Игра в бридж не была увлекательной, но, по крайней мере, давала возможность не общаться с глазу на глаз. Джимми был слегка пьян, обидчив – возникшая у него подозрительность уже исчезла, но оставался во всех отношениях собственной противоположностью. У него имелись великолепные карты, и он играл ими с чрезмерным пренебрежением ко всему, кроме сиюминутной прихоти. У Джулии, его партнерши, вид был отсутствующий. Выражение лица казалось замкнутым. С начала до конца она не произнесла без необходимости ни единого слова. Лоис выглядела просто скучающей. Если она ничего не говорила, было ясно, что это не стоило труда. Нет, игра была не увлекательной, но гораздо предпочтительнее уединения с Лоис.

– Боюсь, завтра мне придется уехать чуть свет, – обратился Энтони к кузену. – Мне нужно успеть на встречу с одним человеком. В Лондоне он будет проездом – едет на юг из Шотландии. Мне важно встретиться с ним. Думаю, лучше всего подойти к нему во время завтрака. Свободного времени у него будет мало.

Джимми хмыкнул:

– Как-то неожиданно, а?

– Не сказал бы. Неожиданным был мой приезд. Пришлось рассчитывать время, так как ты хотел увидеться со мной по делу.

Лоис подняла брови:

– По делу?

– По моему делу, – ответил Джимми Леттер.

Джулия внезапно устремила взгляд на Энтони. Ее сонное лицо оживилось. Она ничего не сказала, почти сразу же взяла карты и принялась сдавать.

Лоис засмеялась:

– Надеюсь, ты не ожидаешь, что кто-то из нас встанет проводить тебя?

В половине одиннадцатого все пожелали друг другу доброй ночи.

Энтони поднялся в комнату, которую занимал с десяти лет. Она находилась на втором этаже, но отличалась от остальных спален тем, что там имелась дверь на черную лестницу. Лестница круто спускалась от площадки, по ее левую сторону располагалась маленькая швейная мастерская, где работала служанка Марсии Уэйн в те дни, когда служанки шили для хозяев, а по правую – комната, которую до сих пор называли «комнатой Энтони». Там же находилась и ванная.

Когда он шел принять ванну, по лестнице поднималась какая-то женщина. Энтони замедлил шаг, дабы дать ей пройти, и увидел, что она пошла по коридору к старой швейной мастерской. Перед тем как войти туда, женщина оглянулась на него. Он увидел чрезмерно завитые светлые волосы, чрезмерно подкрашенные ресницы, алые губы и пытливые голубые глаза.

Энтони вошел в ванную и закрыл дверь. Если это была Глэдис Марш, то его не удивляло, что она не ладила с Джулией и Элли. Открыв краны и мысленно поблагодарив Мэнни за то, что нагрела воду, он подумал, что если бы Джо Марш не повел себя так по отношению к матери, то, видимо, тоже не остался бы без работы у Лоис.

Энтони нежилась в горячей воде и размышлял. Худшее позади. Он выедет еще до семи часов, и ничто не заставит его снова приехать в Леттер-Энд – может, уже никогда. Серьезные намерения у Лоис или нет, но ясно, что она собирается устроить сцену. Зачем? Энтони думал об этом тогда, думал в ужасные дни впоследствии – и никак не мог найти ответ.

Отбросив эти мысли, он задумался о своих делах с Латимером. Без сомнения, его книга была замечательной. Правда, фирма решила, что некоторые эпизоды нужно переработать, и

Энтони поручили работу с автором, известным своей обидчивостью. Энтони служил вместе с Латимером в начале войны, и между ними возникло нечто вроде дружбы. Пожилые партнеры похлопали новичка по спине и предложили заняться этим. «Тебе нужно будет проявить такт. Мы не хотим терять его, но не можем напечатать эти главы в таком виде». Энтони задался вопросом, насколько раздосадуется Латимер, а потом поймал себя на мысли, что должен быть благодарен ему за такой хороший повод для раннего отъезда. Никто, кроме Джулии, не знал, что он и Латимер обедали вместе. И теперь можно будет устроить то же самое. Завтрак после проведенной в поезде ночи, очевидно, не время для оценки по достоинству тактичного подхода, но как предлог для раннего отъезда вполне годится.

Энтони вернулся в свою комнату и осознал, что, видимо, проведет здесь последнюю ночь. Его книги по-прежнему заполняли полки огромного старого книжного шкафа до потолка высотой – на нижней полке стояли переплетенные тома его детских сочинений; на следующей – книги, полученные в школе в виде призов, которые остались непрочитанными; и так далее, от любимых в подростковом возрасте вещей до длинных рядов небольших изданий в кожаных переплетах на самом верху. Кое-что ему хотелось забрать. Что до остальных, что делать с реликтами своей юности? Их следовало сдать в утиль во время войны, но он явственно представлял Джимми, властно говорящего, топнув ногой: «Вещей мистера Энтони не касаться!» Если Энтони не мог решить, что делать с книгами, то с фотографиями тем более – там были групповые снимки в школе, в колледже – бесконечные ряды лиц, спортивных курток, фуфаек. Единственный выход – сжечь. Годы войны создали неодолимую пропасть между ним и тем, что было запечатлено на фотографиях.

Энтони постоял, глядя на несколько последних групповых снимков, и пришел в уныние. Билл Роджерс погиб в битве при Эль-Аламейне, Джервис под Дувром, Мэплтон при бомбежке Лондона, Энсти в Бирме, Дэнверс во Франции, Макдональд пропал без вести неизвестно где. Не стоит оглядываться назад. Хорошие ребята, с которыми он дружил, однако жизнь продолжается... Он подумал, что у войны есть и другая сторона. Томпсон стал бригадным генералом. Странно, у солдат он не пользовался особым уважением. А Энтони Леттер, которого тогда очень уважали, остался всего лишь капитаном. Все зависит от везения. Хотя ему повезло, что остался жив после Эль-Аламейна, что получил рану, после которой два года не участвовал в боях... Возмущало же то, что он сломал ногу во Франции, когда его подвозил на джипе парень, впервые севший за руль этой машины и сам не получивший даже царапины.

Энтони решил попросить Джулию убрать все ненужное ему из комнаты, но потом передумал – это могло обидеть Джимми. И тут негромкий звук заставил его обернуться.

Кроме обычной двери в этой комнате имелась еще одна. Ее не заметишь, если не знаешь о ее наличии: она оклеена теми же обоями, что стены, и ручки с этой стороны у нее нет. Комната некогда была сдвоенной, и каморка за оклеенной дверью представляла собой гардеробную, но, сколько Энтони помнил, гардеробная служила платяным чуланом Марсии. Пользоваться ею во время игры в прятки строго запрещалось, но они всегда пользовались. Это казалось очень соблазнительным. Из каморки был выход на площадку главной лестницы. Оттуда не имелось выхода в комнату Марсии, находившуюся на другой стороне, но можно было проскользнуть из ее двери в чулан, оттуда в его комнату, а потом на площадку черной лестницы, а там подняться или спуститься, а то и выйти через вращающуюся дверь снова на площадку главной лестницы. Стратегически очень важно.

Все это пронеслось в голове Энтони, когда он обернулся, не особенно удивившись, так как все здесь давно знал. Оклеенная обоями дверь открывалась. Через секунду она открылась, и вошла Лоис.

Это его потрясло. Энтони перенесся мыслями в прошлое – ее там не было. Ей нечего делать в чулане Марсии. Эта первая инстинктивная реакция сменилась мыслью «Конечно,

теперь эта каморка принадлежит ей», но тут же пришло потрясающее заключение – ей нечего делать в его комнате.

Уже наступила полночь. Очевидно, все остальные в доме спали – по крайней мере, Энтони на это надеялся. Он был в пижаме, она в negligé, какое носят соблазнительницы во всех альковных сценах: нечто прозрачное, телесного цвета, сползающее с плеча. Энтони так рассердился, что не мог ни найти слов, ни произнести их. Лоис не ждала этого и торопливо заговорила:

– Мне нужно поговорить с тобой. Энтони, пожалуйста, выслушай.

– Лоис, ты в своем уме? Мы не можем разговаривать здесь – вот так. Ради бога, возвращайся в свою комнату.

Она тихо засмеялась серебристым смехом.

– Думаешь о моей репутации, дорогой?

Энтони резко ответил:

– Я думаю о Джимми. Тебе тоже стоит о нем подумать.

Лоис подошла поближе и сказала:

– Лучше буду думать о тебе.

– Лоис...

– Ты уже два года не целовал меня. Не хочешь поцеловать сейчас?

– Лоис...

– Раньше ты не был таким холодным, мой милый.

– Раньше ты не была женой Джимми. И приходится тебе напомнить, что два года назад – это два года назад.

– Тогда ты меня любил.

– А теперь не люблю ничуть.

Она засмеялась и, сощурившись, посмотрела на него.

– Иосиф!

Энтони был так сердит, что ее слова не могли его задеть. Раз Лоис на это напрашивается, пусть получает.

– Ты в самом деле стремишься быть женой Потифара? Это отвратительно, тебе не кажется?

Дверь снова пришла в движение. На обоях были изображены букеты фиалок на белом фоне, и эти букеты шевельнулись. Энтони заметил это поверх плеча Лоис – плеча, с которого сползало ее чертово одеяние. Дверь отворилась полностью, и вошел Джимми.

Только этого и не хватало, чтобы превратить всю сцену в дрянной фарс. Однако несмотря на ярость Энтони понимал, что у этого фарса зловещий оттенок. Джимми, в голубой пижаме, с сильно взъерошенными светлыми волосами, должен был походить на комичного мужа, но не походил. Его фигура представлялась трагичной. Шагнув вперед, он смотрел на них. Его светлые глаза казались неподвижными между покрасневшими веками, лицо было мертвенно-бледным, залитым потом. При виде его даже Лоис утратила дар речи. Заговорил Джимми:

– Марш к себе в комнату!

– Право же, Джимми!

– Я слышал, что ты говорила.

Лоис издала отрывистый смешок, пожала плечами и прошла мимо него.

Энтони напоследок удивило, что хотя она едва не задела Джимми, он не шевельнулся, чтобы избежать столкновения. Ее словно бы не было здесь, и спустя секунду не стало. Дверь в стене закрылась за Лоис, но для Джимми Леттера ее не стало еще раньше. Больше не было никакой Лоис.

Вся сцена длилась одну минуту. Энтони овладел собой и приготовился спасти то, что еще можно было спасти. Произнес: «Джимми, старина...» – и Джимми обратил на него взгляд светлых глаз.

– Я слышал, что она сказала. – Потом: – Она сказала «Два года назад». Я хочу знать... что произошло... два года назад.

Его голос звучал без всякого выражения – ни следа его обычной манеры говорить. Между словами были жуткие паузы. У Джимми – у которого слова не поспевали друг за другом их бывало слишком много, чтобы аккуратно сложиться во фразу. А теперь эта однообразная монотонность: «Я хочу знать... что произошло... два года назад».

– Ничего особенного. Поверь мне. Я был влюблен в нее и сделал ей предложение. Она отказала мне и вышла за тебя. Вот и все. Я думал, ты знаешь.

Джимми кивнул. Сказал по-прежнему с трудом:

– Твоей... вины... нет...

Энтони подошел и положил руку ему на плечо.

– Слушай, Джимми, – заговорил он, – не придавай этому слишком большого значения. Ничего дурного не случилось. Право, не придавай. Я скажу тебе чистую правду. Ради бога, поверь мне. Лоис поссорилась с тобой – из-за коттеджа старого Ходсона...

– Она солгала мне по поводу коттеджа.

Плечо под рукой Энтони было холодным и твердым, как лед. Он упорно продолжал:

– Так вот, вы поссорились, и Лоис разозлилась. Она злится, если не добивается своего. И решила отомстить тебе. Лучшим способом для этого ей показался флирт со мной. Мы знаем друг друга достаточно хорошо, чтобы разговаривать напрямик – и я сказал ей, что у нее ничего не выйдет. Тут вышла Джулия и позвала нас в дом. Женщины не любят оставлять ссору незаконченной – они ищут способа рассчитаться и оставить за собой последнее слово. Я искренне верю, что это привело Лоис сюда. Это было чертовски глупо с ее стороны, и ты имеешь полное право гневаться, но не думай, что здесь пахло чем-то худшим. Завтра в шесть утра я уеду и не стану появляться здесь – можешь мне поверить. Джимми... Господи...

Джимми Леттер посмотрел на него тяжелым взглядом и произнес:

– Это бесполезно. Я слышал, что она сказала.

С этими словами он повернулся и вышел через дверь в стене.

Глава 16

Энтони уехал из Леттер-Энда, пока все еще спали. Шаги его гулко раздавались в коридоре, словно дом опустел. Когда он отодвинул засовы и повернул в замке ключ, казалось, что кто-нибудь должен проснуться. Он вышел на улицу, трава была в росе, дул легкий ветерок. Вывел свою машину и с чувством избавления выехал на дорогу.

В следующие два дня Энтони был очень занят. Обедал с Латимером, поладил с ним лучше, чем ожидал, и тот увез его в свой коттедж на берегу Темзы. Никаких возражений Латимер слушать не хотел. Рукопись его находилась там, они могли поработать над ней вместе – «Твои партнеры сущие старые бабы, не хватало мне еще спорить с ними». И совершенно неожиданное: «Не пытайся отказываться – ты должен поехать, познакомиться с моей женой».

Латимер женат! Энтони с трудом в это верилось. Ему стало любопытно, что представляет собой миссис Латимер. По приезде он нашел ее приветливой, спокойной домохозяйкой, хорошенькой на сельский манер и прекрасной кухаркой. Такая жена как раз подходила Латимеру. Хотя, зная его, трудно было поверить, что он женат. Однако у него была супруга, и он казался образцовым, очень довольным мужем.

В фирме Энтони охотно дали отпуск, и на другой вечер в шесть часов он вернулся в отель. Едва успел переодеться, чтобы ехать в Хэмпстед на ужин с Мэтьисонами, и провел там очень приятный вечер. Где-то на периферии он все еще испытывал чувство избавления.

В отель он вернулся за полночь и обнаружил в номере записку: «Дважды звонила мисс Уэйн. Просила вас позвонить, когда вернетесь». Прочтя эти слова, Энтони нахмурился. Они напомнили о Леттер-Энде, принесли ощущение катастрофы. Ерунда, конечно, сущая ерунда. У Джулии для звонка мог быть десяток основательных причин... «Дважды звонила мисс Уэйн. Просила вас позвонить, когда вернетесь».

Энтони сел на край кровати, поднял трубку стоявшего на столе телефона, назвал номер и стал ждать. Было десять минут первого. Единственный на втором этаже телефон находился в спальне Лоис. Если Джулия ждет его звонка, то должна быть в кабинете. Энтони очень ясно представилось, как она ждет его звонка: телефон стоит на столе Джимми, а Джулия сидит в кресле перед столом в полной тишине, которая длится и длится.

Соединили их почти через полчаса. При первом звонке он поднял трубку и услышал голос Джулии:

- Энтони?
- Да. В чем дело?
- Кое-что стряслось.
- Что же?

Джулия продолжала по-французски – этот язык она учила в классной комнате под руководством мисс Смизерс. И английское произношение французских слов делало то, что она говорила, еще более невероятным.

- Нечто ужасное, Энтони. Лоис – она мертва.
- Он издал какое-то нечленораздельное восклицание.
- От чего она умерла?
- Не знаю. От чего-то в кофе.
- Джулия!
- Энтони услышал ее прерывистый вдох.
- Здесь были полицейские. Утром они вернутся.
- Когда это произошло?
- После ужина – как только она выпила кофе. Приедешь?

– Конечно.

– Рано?

– Часам к восьми.

– Приезжай к половине восьмого. Я встречу тебя у первого указателя расстояния перед деревней. Хочу поговорить с тобой.

Их соединило что-то вроде туго натянутой струны. Он сказал: «Ладно», в трубке раздался щелчок, и их разделили тридцать миль.

Энтони тоже положил трубку и почувствовал, что рука онемела от того, как сильно он ее сжимал.

Глава 17

Джулия стояла возле указателя, велосипед был прислонен к изгороди за ее спиной. Когда Энтони подъехал, она подошла к машине.

– Давай уедем отсюда. Сверни на дорогу в деревню. Я взяла велосипед Элли, от тебя не отстану.

Автомобиль заполнял дорогу почти целиком. Но это не имело значения, ведь дорогой почти не пользовались. Джулия влезла в машину, забилась в угол и без всяких предисловий сказала:

– Полагают, что это убийство.

– Почему?

– По всему, – ответила она. – Лучше будет, если я расскажу тебе по порядку.

– Да.

Джулия снова сделала прерывистый вдох. Ее волосы слегка повлажнели от утренней сырости, лицо было бледным, застывшим, голос – тихим и твердым.

– Эти два дня – после твоего отъезда – были ужасными. Видимо, произошла какая-то ужасная ссора. Думаю, ты знаешь, в чем дело. Джимми ничего не говорит. Почти весь первый день его не было дома. Лоис оставалась в своей комнате до обеда, потом спустилась. Джимми не было. За ужином они не разговаривали, поев, он вышел и заперся в кабинете.

– А что там с кофе?

– Джимми пришел за ним в гостиную, выпил залпом, будто лекарство, и ушел. На другой день – вчера – то же самое. Лоис завтракала в своей комнате. Джимми ушел и вернулся уже под вечер. Выглядел он ужасно. Всем – *всем* — в доме было ясно, что произошла какая-то страшная ссора. Ужин прошел отвратительно. Элли и я вымыли посуду – у Минни был такой скверный вид, что мы отправили ее к себе. Я понесла поднос с кофе в гостиную. Мэнни положила по щепотке ванили в каждую чашку – у меня на глазах. Сахар и коньяк лежали на подносе. Я внесла его в гостиную и поставила на стол. Там никого не оказалось. Я вышла на террасу посмотреть, там ли Лоис, но ее не было, тогда я пошла к кабинету и крикнула Джимми через окно, что кофе в гостиной. Обратно я не спешила. Все было очень скверно. – Джулия сделала паузу и сжалась, чтобы не дрожать от холода. На ней было теплое бобриковое пальто, но ее ничто не могло согреть. Холод шел изнутри.

– Продолжай, – сказал Энтони.

– Да, конечно. Вскоре я подошла к окну гостиной и заглянула внутрь. Все были там. Джимми сидел в своем кресле, чашка кофе стояла на столе перед ним. Он взял ее и, как всегда, выпил залпом. Лоис шла к своему обычному месту возле окна, держа чашку в руке. Минни стояла у камина. Элли – у окна. Я не хотела входить. Сказала Элли: «Дорогая, ложись спать пораньше. Я пойду, прогуляюсь». Через сад я вышла в поля. Вечер был замечательный, и мне не хотелось возвращаться. Не знаю, изменилось бы что-нибудь, если бы я вернулась. – Она снова вздрогнула.

– Продолжай, Джулия.

Джулия не сводила взгляда с его лица.

– Вернулась я в десять часов. Дверь из гостиной на террасу оказалась открыта. Я вошла в нее. Там никого не было, кроме Лоис, и я подумала, что она спит. Мне не хотелось будить ее, поэтому я решила выйти и повернулась к боковой двери. А потом я засомневалась, спит ли она. Лоис сползла в кресле и выглядела как-то неладно. Я подошла и обратилась к ней, но она не проснулась. Тогда я коснулась ее, и она сползла на пол. Я вышла и позвала Джимми. Лоис была еще жива, но мы не могли разбудить ее. Я пыталась связаться по телефону с доктором Грейнджем, но его вызвали к больному ребенку. Потом я попыталась вызвать кого-нибудь

из Крэмптона. В больнице шел концерт, и мне пришлось поговорить с тремя сотрудниками, пока трубку не взял доктор Хетуэй. Он велел дать Лоис крепкого кофе и заставить ее ходить. Кофе мы в нее влили, но ходить она никак не могла. Умерла она после того, как Хетуэй приехал.

Дрожь, которую сдерживала Джулия, сотрясла ее от головы до ног.

Энтони положил руку ей на колено.

– Не надо, дорогая моя...

Джулия взяла его за руку. Ее ладонь была холодной как лед. Она продолжила:

– Он велел позвонить в полицию и ничего не трогать. Звонить пришлось мне – Джимми сидел, обхватив голову руками. И тут эта мерзкая Глэдис Марш закатила истерику – чтобы таким образом привлечь к себе внимание. Мы с Мэнни попытались унять ее, и тут из гостиной вышел доктор Хетуэй. Он добросовестный человек и хорошо знает свое дело, но очень уж подозрительный. Глэдис вывела его из себя. Она вопила: «Вы хотите заткнуть мне рот, но вам не удастся! Убийство – вот что это такое – убийство! И вам не скрыть этого!» Так вот, Хетуэй тут же взялся за нее. Велел ей взять себя в руки и, если что-то знает, рассказать.

Энтони почувствовал, как дрожит ее рука. Теперь Джулия на него не смотрела. Она убрала ладонь. Он резко спросил:

– Что она рассказала?

– Ничего хуже этого и представить нельзя. Энтони, в ту ночь она подслушивала под твоей дверью! Я говорила тебе, что она любит подслушивать. Глэдис сказала, что Лоис была в твоей комнате и Джимми застал ее там. И что произошла ужасная ссора.

Лицо Энтони стало холодным, как северо-восточный ветер.

– Это не так. Лоис вошла через чулан Марсии. Само собой, я ее не ждал. Джимми, видимо, следил за ней. Ссоры никакой не было. Он велел ей возвращаться в свою комнату – и ничего больше ей не говорил. Со мной ссоры не было. Джимми сказал, что это не моя вина, а я сказал, что уеду и больше не буду появляться в доме.

Джулия сжала свои холодные руки.

– Глэдис говорит, что Лоис называла тебя Иосифом, а ты ее женой Потифара, и что Джимми повторял: «Я слышал, что она сказала».

– В основном верно. Это и все?

– Нет. Глэдис выложила все – что Лоис говорила, будто кто-то пытается ее отравить, что у нее были приступы рвоты, и закончила вот чем: «Они это сделали – кто-то из них! Отравили ее – вот что было на уме у них всех! И они теперь пытаются заткнуть мне рот! Но если в Англии существует какой-то закон, у них ничего не выйдет!» И все в таком духе.

– Дальше что?

– Приехал инспектор – новый здесь человек. Поговорил с доктором, потом с Глэдис наедине, взял у нас показания. Мы не спали почти всю ночь. Понимаешь, это либо самоубийство, либо убийство, и ни он, ни Хетуэй в самоубийство не верят – из-за Глэдис, из-за прежних приступов и из-за того, что яд оказался в кофе после ужина. Его, конечно, пока не подвергали анализу, но они как будто уверены, что яд находился в кофе. Хетуэй говорит, что если бы Лоис хотела покончить с собой, то сделала бы это, когда легла в постель. Говорит, что самоубийства посредством снотворного всегда совершаются так.

– Почему они так уверены, что Лоис отравилась кофе?

Джулия обратила на него усталый, горестный взгляд.

– Ничем больше не могла. Мы ели на ужин рыбу – жареную треску. Ее подавала Лоис, и ели мы все. Значит, яда в рыбе не было. И сладкий омлет – его тоже подавала Лоис. И его тоже все ели. Нет – яд определенно находился в кофе.

– Джулия, у тебя были подозрения относительно Мэнни – ты думала, что это она шутит такие шутки. Ты сказала, что поговоришь с ней на эту тему. Поговорила?

– Да.

– Что она сказала?

Джулия не ответила. Она сидела, опустив взгляд на сжатые руки с побелевшими костяшками.

– Что она сказала?

Отмалчиваться не имело смысла – скрыть это не удастся. Джулия еле слышно ответила:

– Я была права – это она шутила.

– Господи боже! *Мэнни!*

– Но в том, что случилось вчера вечером, она не замешана. Энтони, она этого не делала – не могла!

– Откуда ты знаешь? Расскажи-ка о вашем разговоре.

Джулия снова обратила на него взгляд.

– Расскажу. Я застала ее одну и напрямик сказала: «Мэнни, ты устраивала эту шутки – отпираться бессмысленно. И это должно прекратиться». Она густо покраснела и ответила: «Не знаю, о чем вы, мисс Джулия». Тогда я сказала: «Знаешь-знаешь, Мэнни. Ты добавляла ипекакуану или что-то еще в кофе миссис Леттер, чтобы ее рвало, и это должно прекратиться. Ты ведь не хочешь оказаться в тюрьме?»

– И что она ответила?

На губах Джулии появилось подобие улыбки.

– «Уходите из моей кухни, мисс Джулия, – наговариваете на меня такое!» Но я видела, что напугала ее, поэтому обняла ее за талию и произнесла: «Мэнни, ты злобная старуха, и это должно прекратиться».

– Как она повела себя дальше?

– Встряхнула головой и вызывающе заговорила: «Что такое небольшая рвота по сравнению с тем, что она сделала другим? Скажите мне, мисс Джулия! Бедную миссис Марш выгнали из своего дома ради этой щеголихи Глэдис! И бедного мистера Ходсона из-за нее чуть не выгнали из своего! Вас и мисс Элли выживают из своего дома, и мисс Минни выгоняют, хотя деваться ей некуда! При взгляде на нее сердце разрывается!» Продолжая обнимать ее, я сказала: «Мэнни, признайся во всем, облегчи душу». Тут она расплакалась и призналась: «Лоис заслуживала наказания, и я добавляла только ложечку ипекакуаны, она даже ребенку не повредит».

После напряженной паузы Энтони проговорил:

– Да, похоже, ложечкой рвотного корня она не ограничилась.

– Нет, нет! – воскликнула Джулия. – Прошлым вечером Мэнни никак не могла бы это сделать!

– Убедить в этом полицейских тебе будет трудно.

Она схватила его за руку:

– Нет-нет – ни в коем случае не говори им! Энтони, ни в коем случае! Мэнни не делала этого – не могла сделать!

– Почему не могла? Она приготовила кофе.

– Да. Приготовила – для Джимми и для Лоис. Она знала – как и все в доме, – что Джимми пил этот отвратительный кофе и почему пил. Думаешь, она положила бы туда что-то, способное повредить ему?

– Кто-то положил.

– Значит, этот кто-то знал, какую чашку возьмет Лоис.

– Кофе был разлит по чашкам?

– Да. Там были две чашки, но Мэнни никак не могла знать, какую возьмет Джимми. Она обожает его – и скорее даст изрубить себя, чем сделает что-то, способное повредить ему.

Джулия почувствовала, что Энтони согласился с этим. И тут же у обоих возник вопрос: «Если не Мэнни, то кто же?»

Никто из них не был готов искать на это ответ. Энтони положил руку на руль.

– Поедем, наверно, а?

– Нет, – возразила она, – постой! Я хочу кое-что предложить. Я подумала, будет лучше, проще, если ты согласишься сказать, что помолвлен со мной – на то время, пока все это не закончится. Потом можно будет разорвать помолвку.

Энтони пристально посмотрел на нее. Смелость – да, в этом ей не откажешь. Произнес:

– Как-то неожиданно, а? Ты случайно не оберегаешь мою репутацию?

Джулия взглянула на него с трогательной простотой.

– Не знаю. Если не хочешь – нет. Я просто подумала, что так будет лучше для Джимми и всех остальных. Подумала: если мы сообщим, что помолвлены, никто не сможет сказать, что ты приезжал из-за Лоис, а потом мы просто разорвали помолвку – когда все будет позади.

Энтони был глубоко растроган, однако на его лице это не отразилось. Оно оставалось мрачным, сосредоточенным. Когда он заговорил, голос его звучал негромко, обыденно:

– Ладно, дорогая моя, раз ты этого хочешь. Пожалуй, ты права – для Джимми так будет лучше. А теперь едем.

Глава 18

Мисс Сильвер подняла телефонную трубку. В ней слышалось какое-то громкое жужжание. Раздался высокий девичий голос: «Тогда я сказала ему, что больше не буду с ним разговаривать...» – и внезапно оборвался. Мисс Сильвер с легким любопытством подумала, не касается ли это любовных дел привлекательной молодой женщины, недавно поселившейся в квартире этажом ниже, прямо под ней. Она видела ее в лифте, но ни разу не слышала ее голоса, иначе не пришлось бы гадать.

Жужжание продолжалось. Сквозь него очень слабо произнесли ее имя. Мисс Сильвер сразу же четко повторила его. Внезапно жужжание прекратилось. Послышался горестный мужской голос:

– Мне нужно поговорить с мисс Сильвер.

– Это я.

Голос стал еще более горестным:

– Она умерла. Вы сказали, это шутка. Но она умерла.

Лицо мисс Сильвер приняло серьезное выражение.

– Это мистер Леттер?

– Она умерла, – повторили на другом конце провода. Это походило на звучание заигранной граммофонной пластинки.

– Господи! – произнесла мисс Сильвер. – Право, мне очень жаль, мистер Леттер. Могу я что-нибудь сделать?

– Вы сказали... вы могли бы... приехать...

Мисс Сильвер кашлянула.

– Вы этого хотите?

– Вы сказали... что приедете...

Голос Джимми Леттера прервался. Судя по далекому щелчку, он положил трубку – возможно, чтобы обхватить руками голову и замереть в ожидании.

У мисс Сильвер никогда не уходило много времени на принятие решения и на сборы в поездку. Она поедет в платье для второй половины дня и в черном суконном пальто, служившем ей так долго, что его приталенный силуэт несколько раз выходил из моды и вновь возвращался. Поскольку следов износа на его ткани не было, мисс Сильвер даже не задумывалась о том, чтобы выбросить пальто. В потертый, но еще крепкий чемодан она уложила шелковое платье, чтобы надевать его по вечерам – собственно говоря, оно было лучшим из приобретенных прошлым летом, – и старый жакет из черного бархата для защиты от возможных сквозняков. К сожалению, в загородных домах бывают сквозняки. На случай возможной перемены погоды она положила в чемодан маленький меховой палантин, слегка поблекший от возраста, но удивительно хорошо сохранившийся.

Хотя и неприлично совать нос в белье женщины, у мисс Сильвер оно было практичным, теплым и носким – черные нитяные чулки, пеньюар из малиновой фланели, отороченный кружевами ее собственного плетения. Еще в чемодане были домашние туфли, расшитые бисером шлепанцы и тщательно завернутая в белый шелковый платок старая, зачитанная Библия. На сборы этих вещей много времени не требовалось, не нужно было и давать какие-то указания бесценной Эмме Медоуз. Ведя дом мисс Сильвер в течение двадцати лет, она научилась принимать все как есть, с невозмутимым спокойствием.

Мисс Сильвер приехала на вокзал заблаговременно. Успела дать телеграмму с извещением о своем приезде. Успела занять угловое сиденье и уложить чемодан на полку над головой. Потом сняла перчатки, достала вязанье из старой вместительной сумочки и продолжила вязать второй чулок для Дерека.

Ее поездка оказалась приятной. Очаровательная дама средних лет, недавно вернувшаяся из Франции, многое рассказала о социальных условиях в этой стране, а приятный джентльмен в углу напротив интересно и познавательно описал остров Кипр. Право, день выдался очень поучительным.

Выходить мисс Сильвер требовалось на станции Уэстон, местечке немногим побольше деревни Рейл, примерно в трех милях от нее. Когда она сошла с поезда, ее встретил высокий смуглый молодой человек, который представился как Энтони Леттер.

– Джимми мой двоюродный брат. Он так расстроен, что приехать и встретить вас сам не мог.

Взяв ее чемодан и поведя мисс Сильвер через кассовый зал к ожидающей машине, Энтони решил, что бедный старый Джимми, наверно, совсем помешался. Чем еще можно было объяснить привлечение этой безвкусно одетой старой девы в свои трагические дела? Она походила на портрет викторианской гувернантки и говорила тоже так – если можно представить себе портрет, наделенный даром речи. Решив, что ее приезд, видимо, станет последней соломинкой, Энтони уложил чемодан в машину, усадил даму и тронулся с места.

К его удивлению, мисс Сильвер захотела сесть на переднее сиденье. Он с раздражением ощущал ее рядом, чопорную, прямую, в какой-то невозможной шляпке, со старым черным зонтом, висящим на ее запястье, и со сложенными на раздувшейся сумочке руками в потертых лайковых перчатках.

Когда они проехали около полумили, мисс Сильвер обратилась к нему с легким, сухим покашливанием:

– Мистер Леттер, не могли бы вы остановиться на минутку? Ваш двоюродный брат был так взволнован, что не сообщил мне никаких сведений. Я знаю только, что миссис Леттер умерла и что он просил о моем приезде. Я была бы рада услышать хотя бы краткое изложение событий.

Они находились на узкой дороге с живыми изгородями по обеим сторонам. День был замечательным, хотя и не теплым. Сентябрьское солнце грело слабее летнего. С полей по обе стороны тянуло сыростью – наверно, сырой холод ночью сменится заморозком. Ягоды боярышника и шиповника в изгородях уже почти созрели. Неохотно остановив машину, Энтони разозлился на эту пародию своего разговора с Джулией. Только сегодня утром они беседовали на узкой дороге. Джулия сидела там, где теперь мисс Сильвер. На ее волосах блестели капельки измороси. Она печально посмотрела на него и спросила, не будет ли Энтони против, если они объявят себя помолвленными – на то время, пока все не закончится.

Эта пародия вызывала у него неприязнь. Не глядя на мисс Сильвер, он отозвался:

– Я расскажу вам, что знаю. Только из вторых рук – меня здесь не было.

– Будьте так добры.

Она внимательно слушала, как Энтони повторяет то, что рассказала ему Джулия. Он не выходил за пределы окружавших смерть Лоис фактов – ужин; две чашки кофе; кто находился в гостиной; отсутствие Джулии после того, как она внесла поднос; состояние Лоис, в котором Джулия обнаружила ее в десять часов. Когда он умолк, мисс Сильвер сказала:

– Спасибо. – Потом поинтересовалась: – Полицию, конечно же, известили?

– Да.

Мисс Сильвер покашляла.

– Могу я спросить, мистер Энтони, известно полицейским о предыдущих приступах рвоты у миссис Леттер? И о том, как она утверждала, что ее кто-то пытается отравить?

– Известно.

– Им сообщил об этом мистер Леттер?

– Нет, не он.

Зачем ей это знать? Насторожившись, Энтони повернулся, посмотрел на нее и встретил такой пронизательный взгляд, что был потрясен.

– Тогда кто дал им эти сведения, мистер Энтони?

– Женщина по имени Глэдис Марш – миссис Марш. Это жена одного жителя деревни, арендатора моего двоюродного брата, но она живет в доме и представляет собой что-то вроде служанки миссис Леттер.

– Служанки и наперсницы? – уточнила мисс Сильвер.

– Возможно, – ответил Энтони, – не знаю. По крайней мере, она вечно подслушивает.

Мисс Сильвер кивнула:

– Такую опасно иметь в доме.

Его «да» было до того искренним, что она сделала собственный вывод. Ей казалось очень возможным, что при желании он мог бы сказать гораздо больше о Глэдис Марш и, возможно, еще кое о чем.

Во время ее недолгого молчания Энтони переоценивал свои взгляды. Этого требовало испытанное потрясение. Маленькая гувернантка, которую он встретил на станции, сидела рядом с ним в своей безвкусной одежде, но внутренним взором он отчетливо увидел совершенно другую мисс Сильвер. Он был достаточно умен, чтобы распознавать и уважать чужой ум. И у него создалось впечатление, что у нее ум острее его собственного, дисциплинированное, упорядоченное мышление, спокойная властность. Это поразило Энтони. На миг его зрение стало как бы двойным – он увидел двух мисс Сильвер непонятно чем связанных, а потом, словно благодаря какой-то мысленной поправке, они слились воедино. Была только одна мисс Сильвер, но не та, за какую он принял ее вначале. И его поведение бессознательно изменилось.

Наблюдавшая за ним мисс Сильвер ободряюще улыбнулась. Как и многие люди, имевшие с ней дело, Энтони мысленно перенесся к школьным дням, к первому классному помещению, когда он был маленьким мальчиком, все было пугающе новым и безнадежно неизвестным. И учительница за письменным столом – величественная, богоподобная – посмотрела на него и подбодрила: «Ну-ну, Леттер – я уверена, ты знаешь ответ». Нелепое воспоминание. Он улыбнулся ему.

Мисс Сильвер сказала:

– Продолжайте, пожалуйста, мистер Леттер. Я буду рада узнать, как там обстоят дела.

Его лицо посуровело.

– Я приехал сегодня ранним утром. Мисс Уэйн мне позвонила. Кстати, вы знаете, кто из нас кто?

– Полагаю, что да. Мистер Леттер, когда приезжал, снабдил меня множеством сведений. Вы имеете в виду мисс Джулию Уэйн?

Его брови сошлись на переносице.

– Да – мою невесту.

Мисс Сильвер покашляла.

– Мистер Леттер об этом не упомянул.

Энтони отрывисто сказал:

– Тогда мы не были помолвлены.

– Понятно. Мисс Уэйн позвонила вам, и вы приехали рано утром.

– Да. Мой двоюродный брат в ужасном состоянии. – Энтони заколебался на миг и продолжал: – Там была жуткая... – И заколебался снова.

– Ссора?

Энтони чуть было не спросил: «Как вы узнали?» Он отрицал бы это, будь в том смысл. Но смысла не было. Убийство подобно судному дню – раскрываются все тайны сердца. Нахмурившись, он употребил другое слово:

– У них возник разлад. И это расстраивает Джимми еще больше. Он корит себя. А полицейские...

– Так, мистер Энтони?

Энтони угрюмо продолжил:

– Строят догадки на этот счет. Вот почему мы сочли, что будет хорошо, если вы приедете. Вернее, так счел мой кузен. Похоже, это единственное, что его поддерживает, и мы согласились – ему нужен кто-то, способный давать советы.

Мисс Сильвер покашляла.

– Вы сказали – полицейские строят догадки. Какие?

– Думаю, вы можете догадаться.

Она посмотрела на него с легким упреком.

– Сейчас мне нужны факты, а не догадки, мистер Энтони. Я хочу получить ответы на один-два вопроса. Производилось ли вскрытие тела? Если да, то чему приписывается смерть миссис Леттер?

На оба вопроса он ответил одним словом:

– Морфию. – И добавил секунду спустя: – В значительном количестве.

– Господи! – произнесла мисс Сильвер. – У нее был морфий?

Энтони покачал головой:

– Лоис не принимала наркотиков. И недавно хвасталась этим. У нее был превосходный цвет лица. Она со смехом сказала – это оттого, что она никогда не принимала ничего подобного. Не помню, как мы подошли к этой теме, но Лоис сказала так.

– В наши дни приобрести морфий не так уж легко. Его можно купить за границей... Был он у кого-нибудь в доме?

– Насколько я знаю, нет, – думаю, это совершенно невероятно. За границей был только я. И определенно не привозил никакого морфия.

Мисс Сильвер взглянула на него пронизательным, добрым, испытующим взглядом.

– Вы полагаете, миссис Леттер покончила с собой?

– Убежден, что это совершенно невероятно.

Мисс Сильвер одобрительно кивнула:

– Вы ответили честно. Будь все так откровенно, моя работа значительно упростилась бы. Мне хотелось бы узнать причины мнения, которое вы только что высказали.

Энтони не чувствовал себя особенно откровенным. Из головы у него не шла полуночная сцена в его комнате. Он не верил, что Лоис совершила самоубийство. Твердо говорил себе, что не верит. Но могла совершить. Она предложила себя, была отвергнута, и тут вошел Джимми. Может, это вправду самоубийство... При этой мысли он ощутил какой-то ужас, интуитивный, так как разум готов был предположить, что любой другой вывод будет еще более жутким. Он торопливо заговорил, чтобы мисс Сильвер не прочла его мысли:

– Лоис очень любила жизнь. У нее имелось почти все, чего она хотела: прекрасная внешность, здоровье, деньги. У нее было много планов.

Мисс Сильвер обдумала услышанное. Слова «почти все» решила обдумать позже. И спросила:

– Полицейские отвергают мысль о самоубийстве?

– Насколько я понял, местный инспектор в этом сомневается. Что думают люди из Скотленд-Ярда, не знаю. Они у нас недавно.

Мисс Сильвер настороженно посмотрела на него:

– Значит, вы обратились в Скотленд-Ярд?

– Да. Насколько понимаю, это означает, что у нас эту смерть не считают самоубийством. – Энтони коротко усмехнулся. – Начальник полиции графства, старый Марсфилд, является другом семьи. По-моему, он торопится избавиться от этого дела. Да и вообще похож

на старую бабу. Мысль о встрече с преступником ему до сих пор не приходила и теперь вызывает у него дрожь – он хочет отделаться от нас как можно быстрее. Поэтому появляются старший инспектор Лэм и сержант Эббот.

Мисс Сильвер покашляла.

– Оба превосходные, умные полицейские, – сказала она.

Глава 19

Старший инспектор Лэм сидел перед письменным столом в массивном дубовом кресле Джимми Леттера, которое для него было куда менее просторным, чем для хозяина. На столе перед ним лежала стопка бумаг. Шляпу-котелок он оставил в коридоре и выглядел в аккуратном черном костюме полным, плотно сложенным, очень прямым и крепким, как дуб, из которого сделано кресло. Жесткие черные волосы слегка поредели на висках, отчего большое квадратное лицо казалось еще больше. Его круглые глаза Фрэнк Эббот сравнивал с темно-зелеными мятными леденцами. Сан Фрэнк непринужденно сидел по другую сторону стола в красивом сером костюме. Эти люди представляли собой некоторый контраст. Лэм, полицейский прежних времен, был дисциплинированным, опытным, справедливым и честным. Фрэнк Эббот, выпускник привилегированной частной школы и полицейского колледжа, гораздо более образованный, порой казался непочтительным, но под всей своей непочтительностью был верным подчиненным и большим почитателем начальника. Хотя по его виду никто бы не предположил, что он способен на верность и почтительность. Он выглядел утонченным и пресыщенным: с очень светлыми волосами, зачесанными назад с помощью бриллиантина, с голубыми глазами, часто смотревшими задумчиво, с модными воротничком и галстуком, с красивыми холеными руками и с изящными ступнями в изящной обуви.

Старший инспектор слегка постучал по столу и спросил:

– Ну, Фрэнк, что скажешь обо всем этом?

– В вашем присутствии мне лучше помалкивать, сэр.

Лэм издал звук, который можно было бы назвать фырканьем.

– Вот как? Что-то ты вдруг стал очень вежливым и почтительным. Не заболел случайно?

– Нет, благодарю вас, сэр.

Раздался сильный удар по столу.

– Тогда отвечай! Я задал тебе вопрос.

Сержант Эббот небрежно улыбнулся:

– Сэр, я сперва хотел бы узнать ваше мнение.

Старший инспектор побагровел. Непочтительный сопляк. Иногда ему хотелось дать отпор Фрэнку. Иногда он давал. Этим утром у Лэма возникло такое желание, и он его исполнил. Умничающих юнцов он всегда не терпел и терпеть не будет. Фрэнк хороший парень, но отпор на него не действовал – слишком уж вольно высказывал свои взгляды. А теперь сводит с ним счеты. Неподчинение – вот что это такое, и он поставил своего начальника в затруднительное положение. Нельзя наказывать человека за почтительность. Лэм довольно громко произнес:

– Еще рано высказывать мнения, но если бы местные полицейские не думали, что это убийство, то не вызвали бы нас.

Фрэнк Эббот слегка кивнул с холодным видом:

– Вы правы, сэр.

– Начальник полиции графства не хочет ввязываться в это дело. Думаю, его мнение для нас не важно. Ему давно пора в отставку. Но этот инспектор – как там его фамилия, Смердон? – человек умный, и что он думает, понятно. Доктор Хетуэй. Знаешь, он прав относительно самоубийств снотворным – все они берут эти снадобья в постель. Думаю, это естественно – то, что называется связью идей. Ты ложишься в постель и засыпаешь – особенно женщины. Единственное исключение, по-моему, люди, которые хотят напрочь исчезнуть – они уходят в лес или еще куда-нибудь, где, как думают, их никогда не найдут. Теперь взять эту миссис Леттер – умная, утонченная, притом красавица. Она поссорилась с мужем. Муж

застал ее в комнате двоюродного брата посреди ночи. По словам миссис Марш, она вешалась ему на шею, а он ее не взял. Тут входит муж, говорит, что все слышал, и прогоняет ее. Для женщины такой удар по самолюбию – самое страшное. Она могла бы совершить самоубийство.

Фрэнк Эббот молча кивнул. Лэм продолжал:

– Могла бы, но я себе этого не представляю. На мой взгляд, такая женщина устроила бы спектакль – хотя бы слегка приоделась. Знаешь, самоубийцы так поступают. Думают: «Они пожалеют, увидев мое бездыханное тело» – особенно женщины, кончающие с собой из-за любовных дел. Они хотят произвести сильное мелодраматическое впечатление, которое заставит всех говорить о них, и вынудит того самого мужчину до конца жизни помнить о произошедшем. Судя по отзывам, миссис Леттер вряд ли пожелала бы уйти тихо, не причиняя никому неприятностей. Женщина, сумевшая вызвать к себе такую неприязнь, захочет произвести эффект. Накрасится, причешется, наденет лучшую ночную рубашку и оставит записку о самоубийстве, чтобы изранить чувства мужчины.

Равнодушное выражение исчезло с лица Фрэнка. Он сказал:

– Да, полагаю, вы правы.

Рассуждая, Лэм пришел в хорошее настроение:

– Тогда я должен быть прав! Так вот, если это не самоубийство, то, значит, убийство. А если убийство, то убийца кто-то из людей в доме – кто-то из семи. Мистера Энтони Леттера исключим – его здесь не было. Надо сказать, повезло. И, насколько я понимаю, мотива у него не имелось. Женщину не травят из-за того, что она вешается тебе на шею. Остаются муж мистер Джимми Леттер, две его сводные сестры, которые, собственно, не сестры...

– Дочери его мачехи.

– Совершенно верно. Остаются они, мисс Мерсер и обслуга – старая кухарка, проводившая здесь много лет, семнадцатилетняя судомойка и миссис Глэдис Марш. – Лэм повторил ее имя с сильной неприязнью. – Миссис Глэдис Марш. Сочувствую ее мужу, кто бы он ни был. Сущая дрянь, вот что я скажу. У нее хватило бесстыдства строить мне глазки.

Сержант Эббот с невозмутимым видом произнес:

– Невероятно, сэр!

– Как это – невероятно? Ты же видел ее, разве не так?

Последовал вполне почтительный ответ:

– Я счел бы это невероятным, если б не видел ее.

Лэм хмыкнул:

– Ну, дрянь она или нет, думаю, ее можно исключить. Никакого мотива у нее я не вижу. Она была, насколько я понимаю, чем-то вроде избалованной любимицы, и если бы имела какое-то отношение к случившемуся, то вряд ли стала бы высовываться. Наверно, мы бы ничего не узнали о приступах рвоты у миссис Леттер и об утверждениях, что ее кто-то хочет отравить, если бы миссис Глэдис Марш не выдала этого в приступе истерики. Не думаю, чтобы нам мог сказать это кто-то еще. Все они будут держаться заодно. Естественно – семья. А старая кухарка провела у них на кухне пятьдесят с лишним лет. Такие люди будут стоять за членов семьи крепче, чем они друг за друга.

– *Plus royaliste que le roi*⁹, – пробормотал сержант Эббот и поспешно добавил: – Вы совершенно правы, сэр.

Лэм свирепо уставился на него.

– Прав, значит? И позволь сказать тебе, что родной язык для меня достаточно хорош, а если для тебя недостаточно, то зря! Если тебе приходится говорить что-то на иностранном языке, то либо это что-то постыдное, либо ты выступаешь.

⁹ Большие роялисты, чем король (*фр.*).

Разозлив начальника, Фрэнк сделал стратегическое отступление:

– Шеф, этот цитата.

– Тогда цитируй по-английски! В твоём распоряжении весь Шекспир, разве нет? Цитат у Шекспира множество.

– Совершенно верно, сэр.

– Вот и пользуйся ими! И не обращай ко мне на чужих языках – это выводит меня из равновесия! О чём я говорил?

– Что миссис Мэнипл будет стоять за членов семьи крепче, чем они друг за друга.

Лэм кивнул.

– Она такая. И у неё на кухне работает эта девочка, Полли, как там её...

– Пелл, – подсказал Эббот.

– Полли Пелл. Надо сказать, миссис Мэнипл держит её в ежовых рукавицах. Когда она поступила на службу, судомойки были судомойками. Сама прошла эту школу и никаких глупостей не потерпит. Нравы в деревне почти не меняются. Я сам рос в деревне, знаю. В мире многое поменялось, но ещё далеко до того, чтобы непреклонная старая женщина не помыкала девчонкой, как вздумается. Итак, мы вернулись к тому, с чего начали. Если бы Глэдис Марш не проговорила, думаю, никто другой не сказал бы этого.

– Думаю, нет.

– Итак, если мы исключаем Глэдис Марш, остаются семья и старая кухарка. Полагаю, девочку тоже можно исключить – у неё не может быть никакого мотива. Тогда остаются мистер Леттер, миссис Стрит, мисс Уэйн, мисс Мерсер – я считаю её членом семьи – и миссис Мэнипл. Самый сильный мотив у мистера Леттера. Он был женат два года и, по всем отзывам, был очень привязан к жене – души в ней не чаял. А потом вдруг получает такое ужасное потрясение. Застает её в комнате двоюродного брата среди ночи, в ночной рубашке, она предлагает себя ему, а кузен говорит – нет. Этого достаточно, чтобы вывести из себя мужчину. Убей он её на месте, то получил бы условный срок. Провоцирование – вот что это было. Но там её он не убил. Он ничего не делает в остаток ночи, весь следующий день и большую часть следующих суток. И миссис Леттер умирает от большой дозы морфия, положенного в чашку кофе. Мотив у него был – не существует более сильного мотива, чем ревность. Он вознес жену на пьедестал, а она с грохотом оттуда рухнула. Возможность у него тоже имела – мистер Леттер находился один в комнате, где на подносе стояли две чашки кофе. Ты можешь сказать, что у других членов семьи была такая же возможность, и это правда. Возьми их собственные показания. Мисс Джулия Уэйн приносит поднос и ставит его на стол, выходит на террасу и идет к окну кабинета, заглядывает туда и спрашивает мистера Леттера, пойдет ли он в гостиную пить кофе. Он отвечает – да, и мисс Уэйн остается на террасе. Когда заходит в гостиную сообщить, что идет на прогулку, вся семья там. Мистер Леттер пьет кофе, а миссис Леттер идет к своему креслу, держа чашку в руке. Мисс Уэйн уходит, возвращается в десять часов и находит миссис Леттер одну в гостиной, без сознания. Это мисс Джулия Уэйн. Она могла бы положить морфий в одну из чашек, но никак не могла знать, какую возьмет миссис Леттер.

Фрэнк Эббот выпрямился. Взгляд его был холодным, острым. Он сказал:

– Конечно.

Лэм продолжал:

– Затем мисс Мерсер. Она говорит, что вошла в гостиную и обнаружила там миссис Леттер, стоявшую у стола с чашками кофе и клавшую сахар в чашку. Миссис Леттер спросила, где остальные, и вышла на террасу посмотреть, нет ли их там. Мисс Мерсер говорит, что пошла за ней. Думаю, если дело дойдет до суда, защита скажет, что миссис Леттер клала в чашку не сахар, а морфий, превращенный в порошок для сходства с сахаром. Думаю, это

возможно – но маловероятно. Мисс Мерсер, судя по показаниям, вполне могла добавить что-то в одну из чашек.

– Это означало бы умысел.

Лэм кивнул:

– Это относится ко всем... Далее следует миссис Стрит. Она говорит, что вошла в гостиную и никого там не застала. Кофейный поднос стоял на столе. Почти сразу же вслед за ней вошел мистер Леттер. Не по террасе, а в дверь, как и она. Миссис Леттер и мисс Мерсер находились на террасе. Миссис Стрит сказала, что позовет их, и вышла в окно, оставив мистера Леттера одного в гостиной. У нее была возможность отравить кофе, и такую возможность она ему предоставила. Все очень просто – каждый из них оставался один в комнате с кофейным подносом. Должно быть, один из них отравил кофе, который выпила миссис Леттер. Думаю, предполагать, что это сделала кухарка, неразумно. Она, по всем отзывам, привязана к мистеру Леттеру, и если бы она положила яд в одну чашку, ее вполне мог взять он. У нее не имелось мотива, кроме общего недовольства, и она ни за что не пошла бы на риск. Думаю, ее стоит вывести из числа подозреваемых. Таким образом, у нас остаются мисс Уэйн, миссис Стрит, мисс Мерсер и мистер Леттер. У всех них была возможность добавить что-то в кофе. Но мисс Уэйн, как и кухарка, не могла знать, кто какую чашку возьмет. Все показывают, что она не возвращалась в гостиную. Таким образом, она оказывается в одной компании с кухаркой, и я хочу вывести ее из числа подозреваемых, во всяком случае пока. Теперь у нас миссис Стрит, мисс Мерсер и мистер Леттер. И вот тут начинаются неясности. Я хочу знать, кто вынес пустые чашки. Когда мисс Уэйн заглянула в гостиную, мистер Леттер, сидя в кресле у окна, пил кофе, а миссис Леттер шла по комнате с чашкой в руке. Миссис Стрит сидела рядом с открытой дверью на террасу. Мисс Мерсер собирала лепестки розы, осыпавшиеся из вазы на каминной полке. Миссис Стрит говорит, что не прикасалась к чашкам и не видела, кто прикасался, – она очень устала и думала лишь о том, как бы поскорее лечь в постель. Мисс Мерсер сообщает, что не приближалась к подносу и не касалась чашек после того, как она и миссис Леттер вместе вошли с веранды. Что миссис Леттер сразу подошла к подносу и взяла свою чашку. Мистер Леттер говорит, что его чашка стояла на столике возле его кресла. Что не заметил, была ли она там, когда только вошел в гостиную. Возможно, лжет. Если он положил морфий в одну из чашек, то не рискнул бы взять эту чашку сам – поставил бы свою отдельно, чтобы не произошло ошибки. Миссис Стрит говорит, что не помнит, обе ли чашки стояли на подносе, когда она вошла. В тот день она навещала мужа – его переводят в санаторий для долечивания в Брайтон – и, по ее словам, была так поглощена мыслями о нем и так устала, что ей было не до кофейных чашек. Мисс Мерсер говорит, что, когда она вошла в гостиную, на подносе стояли обе чашки. Конечно, она или миссис Стрит могли положить морфий в одну из чашек и переставить другую на столик у кресла мистера Леттера. Или мистер Леттер мог сделать это сам, когда находился один в комнате.

– И как теперь нам быть? – спросил Фрэнк Эббот.

– Нам нужен мотив, – ответил Лэм. – Возможность была у этих четырех. Но если верить мисс Мерсер, что когда она вошла, на подносе стояли две чашки, то мисс Уэйн не могла переставить чашку мистера Леттера, так как не знала, кто возьмет какую. Поэтому она под гораздо меньшим подозрением, чем остальные трое. Будем считать, что кто-то из этих троих поставил безобидную чашку у кресла мистера Леттера. Мы не знаем, кто. Двое из них могут находиться в таком же неведении. Один из них должен знать, поскольку сам ее переставил и был в курсе, что находится в другой чашке. Далее без конкретных улик нам не продвигаться. Поэтому обращаемся к мотиву. Как я уже сказал, у мистера Леттера был один из сильнейших для мужчины мотивов – он слышал, как его жена предлагала себя другому в весьма компрометирующих обстоятельствах. Теперь миссис Стрит. У нее тоже имелся мотив. Не

такой уж сильный, но все же мотив. Помнишь, что говорила Глэдис Марш: «Они все ее ненавидели – все готовы были убить ее. Миссис Стрит хотела привезти сюда мужа, а миссис Леттер противилась – говорила, что не хочет жить в окружении родни и превращать дом в госпиталь»? А потом вскинула голову и сказала: «Миссис Стрит все глаза выплакала из-за этого. В этом госпитале есть хорошенькие медсестры. Ничего удивительного: она боится потерять мужа, как потеряла привлекательность». Эта Марш неприятная, злобная особа, но мотив все-таки есть.

Фрэнк слегка пожал плечами:

– Миссис Стрит не подходит под тип убийцы.

Лэм хлопнул себя по колену.

– Никакого типа убийц не существует – сколько раз говорить тебе это? Люди убивают, когда захотят, когда возомнят себя настолько значительными, что все остальное становится неважным. Они теряют голову и приходят к мысли, что считается им нужно только с собой и можно делать что угодно, а то, что удерживает людей от убийства, уже ничего не значит, когда они в гневе. Это может произойти с каждым, кто не держит себя в руках. Знаешь, что больше всего поразило меня в словах Глэдис Марш? Что они все ненавидели миссис Леттер. Может быть, она преувеличила, а может, и нет. Однако ненависть очень опасная штука, чтобы оставлять ее без внимания – это одна из вещей, от которых люди теряют голову. И вот миссис Леттер мертва. Я не говорю, что подозреваю миссис Стрит – улики для этого недостаточно, – но утверждаю, что у нее был мотив.

– Согласен...

– Затем мисс Мерсер. У нее тоже есть мотив, хотя, по-моему, менее сильный, чем у тех двоих. Она прожила здесь двадцать пять лет. И съезжает, потому что миссис Леттер хотела устроить здесь все по-новому со штатом прислуги, который выбрала сама. Такое случается постоянно – мужчина женится, и женщина, которая вела его дом, не ладит с новой женой. Это могут быть дочь, сестра или экономка – значения не имеет. По всем отзывам, мисс Мерсер – тихая, кроткая женщина. Не из тех, кто устраивает скандалы, иначе это бы не тянулось два года. Не сомневаюсь, что у нее накопились какие-то обиды, и выглядит она больной. Но, как я сказал, такое происходит постоянно, и из-за этого не совершают убийств.

Фрэнк Эббот приподнял бесцветные брови. Посмотрел на верхнюю полку, где стояли романы Вальтера Скотта, которые за шестьдесят лет никто не читал, кроме Джулии, и произнес:

– Она дочь врача, так ведь?

Это было сказано довольно небрежным тоном, но Лэм сурово посмотрел на него.

– Что ты имеешь в виду?

– Дочь деревенского врача. Деревенские врачи обычно сами готовят лекарства. Меня интересует, что стало с лекарствами покойного Мерсера – с морфием в том числе. Смердон говорит, что забрал аптечку из комнаты мисс Мерсер – с ней хотел ознакомиться полицейский врач. Я спросил его об отпечатках пальцев, и Смердон обиделся – сказал, что, разумеется, они не забыли об этом: сняли все перед тем, как отдать аптечку врачу. Я спросил, что они обнаружили, а он ответил, что у них не было времени проверить, но сегодня вечером он предоставит нам результаты.

Продолжая говорить, Фрэнк поднялся и пошел к дальнему из двух окон. Одно выходило на террасу, другое на подъездную аллею. Из второго окна Эббот посмотрел на машину, медленно подъезжавшую по извилистой подъездной аллее – на машину Энтони Леттера, за рулем которой сидел сам Энтони. Купа кустов заслоняла сидевшего рядом с ним пассажира. Автомобиль выехал на открытое место, и Фрэнк протяжно, негромко присвистнул. Машина исчезла из поля зрения. С блеском в глазах Эббот повернулся и сдержанно произнес:

– Леттер ездил встречать кого-то в Уэстон, но никто не сказал нам, кого. Теперь мы знаем.

Старший инспектор уставился на него. Разум его, который Фрэнк однажды непочтительно сравнил с трамваем, превосходно ездил по своим рельсам, но не был способен на быстрые повороты. Лэм думал о морфии в связи с мисс Мерсер и с деревенской аптекой. Энтони Леттер и человек, которого он встречал в Уэстоне, оказались помехой, прервали нить его мыслей. Не сводя глаз с Фрэнка, Лэм уловил его последние слова и рассерженно отозвался:

– Итак, теперь мы знаем. О чем это ты?

– О Моды, – ответил сержант Эббот.

Щеки Лэма побагровели.

– Неужели Мод Сильвер?

Фрэнк коварно улыбнулся:

– Единственная, неповторимая Моды.

Глава 20

Мисс Сильвер услышала, как за ее спиной закрылась дверь классной комнаты. Мистер Энтони ушел, и она одобрила этот поступок. Она всегда предпочитала оставаться наедине с клиентом, и в таком деле это было особенно желательно.

Джимми Леттер сидел за классным столом. Когда его кузен открыл дверь и произнес фамилию гостя, он поднял опущенную на руки голову, но даже не сделал попытки встать. Мисс Сильвер подошла, протянув для приветствия руку, сказала: «Здравствуйте, мистер Леттер», и он после секундного колебания пожал ее. Она оказалась не готова к его крепкому продолжительному пожатию, причиняющему боль. Высвободив руку через подобающее время, мисс Сильвер села по другую сторону стола. Джимми продолжал смотреть на нее глазами с покрасневшими веками, в которых застыло апатичное, растерянное выражение. Первыми его словами были те, что он говорил ей по телефону:

– Вы сказали, это шутка, но она мертва. Умерла вчера вечером. Кажется, что гораздо раньше. Почему вы сказали, что это шутка? Она мертва.

Мисс Сильвер любезно посмотрела на него.

– Да, мистер Леттер. Я глубоко вам сочувствую. Раз вы попросили меня приехать, то, видимо, думаете, что я могу вам помочь.

Джимми покачал головой:

– Помочь мне невозможно.

– Тогда зачем вы меня вызвали, мистер Леттер?

Он поднял руку и потер нос – в этом его обычном жесте была какая-то безнадежность.

– Я хочу выяснить – хочу знать, как это случилось. Здесь полицейские – из Скотленд-Ярда. Кажется, они думают... не знаю, что они думают...

Джимми не договорил.

Мисс Сильвер посмотрела на него в упор. И заговорила отчетливым, твердым голосом, привлекая его внимание:

– Мистер Леттер, послушайте меня. Я хочу вам помочь. И непременно помогу, если это будет в моих силах. Вы сказали, что хотите знать, как это произошло. То есть вы желаете знать правду. Иногда правда бывает мучительной. В данном случае это может быть так. Имейте в виду, что расследование ведут полицейские. Если смерть вашей жены не была естественной, возможно, я сумею оказать какую-то помощь в раскрытии дела, но не могу ручаться, что это раскрытие не станет для вас мучительным. И не могу обещать, что скрою какие-то улики от полиции. Вы определенно хотите, чтобы я взялась за это дело?

– Я хочу все выяснить, – упрямо ответил Джимми. И продолжил: – Смерть не была естественной. Говорят, причиной ее стал морфий – чрезмерная доза морфия. Лоис никогда не принимала наркотиков. Если она сама положила в кофе морфий, то сделала это, желая покончить с собой. Если не сама, значит, была убита. Это нужно выяснить.

Он не отводил от нее глаз. Выглядели они так, будто он давно не спал. Под глазами виднелись темные круги, а его обычно светлое, свежее лицо поражало мертвенной бледностью. Джимми сказал, не меняя голоса:

– Понимаете, я должен узнать, не я ли ее убил.

За время работы мисс Сильвер услышала не одно потрясающее признание. Она сохранила невозмутимый вид – правда, еще больше посерьезнела. И спокойно произнесла:

– Будьте добры, мистер Леттер, объясните, что вы имеете в виду.

Он кивнул:

– Потому-то я и пригласил вас сюда. Полицейские не хотят разбираться с этим, но для меня это важно. Мне нужно знать, не я ли убил ее.

Мисс Сильвер кашлянула.

– Мистер Леттер, это странно слышать.

Джимми снова кивнул.

– Да, пожалуй. Видите ли, мы поссорились. Раньше такого не случилось. Вряд ли многие мужчины, прожившие в браке два года, могут это сказать. Но я всегда только и желал, чтобы Лоис была довольна, чтобы все было, как хочется ей.

– Из-за чего у вас вышла ссора?

Джимми провел рукой по волосам и рассеянно заговорил:

– Из-за одного коттеджа. Наверно, тут вышло недоразумение. Лоис сказала мне, что старый Ходсон хочет съехать и жить вместе со снохой в Лондоне. Однако он как будто не хотел, и, разумеется, я не мог его выгнать – его семья всегда жила там. Лоис пришла в раздражение, потому что обещала этот коттедж своим друзьям на выходные. Конечно, она не понимала. Но на меня рассердилась – вот так все и началось.

– Что «все», мистер Леттер?

Джимми снова взъерошил волосы – так провел по ним ладонью, будто хотел что-то стереть. И проговорил:

– После этого кое-что произошло. Нелегко рассказывать вам, но ничего не поделаешь. Полиция знает об этом, потому что у двери подслушивала болтушка – жена Джо Марша. Дрянная бабенка, мне его жаль. Не знаю, что нашла в ней Лоис, но поселила ее здесь. Я всегда с ней не ладил – и она подслушивала у двери...

– У какой двери, мистер Леттер?

Джимми отвел взгляд.

– Моего кузена Энтони – того, что встретил вас. Он приехал сюда по делу. Я попросил его – довольно настойчиво, – и он был здесь. Приехал как раз после этой ссоры. Лоис злилась. Должно быть, очень злилась, иначе бы не сделала этого. Энтони так говорит, и я думаю, он прав.

Мисс Сильвер кашлянула.

– Что она сделала?

– Думаю, Лоис хотела досадить мне, флиртуя с ним. Знаете, Энтони был влюблен в нее, но она отвергла его и вышла замуж за меня. Право, не знаю, почему – Энтони выгодно от меня отличается. Не думайте, что тут имелась какая-то его вина, это будет несправедливо. Он сделал ей предложение, Лоис ответила «нет», и на этом для него все кончилось. Он уехал, справился со своими чувствами, и... в общем, теперь Энтони помолвлен с другой. С Джулией – с Джулией Уэйн.

Мисс Сильвер кивнула:

– Продолжайте, пожалуйста.

– Так что тут не было его вины, – монотонно продолжал Джимми Леттер. – Было уже поздно, но я не ложился спать. Подумал, может, и Лоис не спит. Может, мы с ней помиримся. Ее комната находится напротив моей, по другую сторону лестничной площадки. Только я подошел к своей двери, как услышал, что ее дверь открывается. Когда долго живешь в доме, то понимаешь, откуда идет звук, и слух у меня очень острый. Я подумал, что Лоис идет ко мне, но ошибся. Я вышел и увидел, как дверь ее гардеробной на дальней стороне лестничной площадки закрывается. Собственно говоря, это комната. Она представляет собой платяной чулан комнаты Энтони, и там есть соединительная дверь. Я пошел за Лоис. Она меня не слышала, и когда я подошел туда, она была в комнате Энтони, разговаривала с ним. – Монотонный голос зазвучал тише. В нем не появилось никакого выражения, только слова стали протяжнее. – Я услышал, как Лоис сказала: «Ты уже два года не целовал меня. Не хочешь поцеловать сейчас?» – Неожиданно Джимми обратил на мисс Сильвер страдающий взгляд. – Полицейские записали это. Бабенка, что подслушивала у двери, все слышала. Вины Энтони

тут не было. Он сказал Лоис, что теперь она моя жена и что он больше не влюблен в нее. Лоис ответила, что раньше он не был таким холодным, и в насмешку назвала его Иосифом. Энтони спросил ее, не стремится ли она быть женой Потифара. Тут вошел я. Лоис была в ночной рубашке. Я велел ей возвращаться в свою комнату, и она ушла. Это последнее, что я сказал ей.

– Мистер Леттер, когда это произошло?

Джимми схватился за голову.

– Должно быть, во вторник – да, вечером вторника. Сегодня пятница, так ведь?

Мисс Сильвер ответила:

– Да, пятница.

– Значит, то был вторник. Энтони уехал рано утром, пока все еще спали. Я провел вне дома весь день и большую часть следующего. Я не спал – как будто не мог думать – и не знал, что делать. Мы с Лоис не разговаривали. Встретились за ужином, но не разговаривали. Вечерами после ужина я заходил в гостиную и пил кофе – вы сказали, чтобы она не прикасалась ни к чему, чего не едят или не пьют другие. В гостиную принесли две чашки кофе, и я взял одну из них.

Мисс Сильвер кашлянула.

– Мистер Леттер, в чашки уже был налит кофе?

Джимми кивнул.

– Я взял одну из них. Полицейские только и говорят о том, как мог кто-то знать, какую я возьму. У них все записано – они расскажут вам, что произошло. Я вернулся в кабинет, как только выпил кофе. Джулия пошла на прогулку. Элли и Минни отправились спать. Лоис осталась в гостиной. Она была одна. Когда Джулия вернулась и обнаружила ее, было уже поздно. Мы вызвали врача, но слишком поздно. – Джимми поднял глаза и уставился на мисс Сильвер. – Для женщины это ужасно – я вошел и застал ее с Энтони. И я два дня не подходил к ней и не заговаривал. Оставлял ее одну – даже в последний вечер оставил одну. Если Лоис приняла морфий поэтому, значит, ее убил я, так ведь? Не нужно говорить, что я не делал этого, если я сделал. Я только хочу, чтобы вы выяснили правду.

Мисс Сильвер ответила ему твердым взглядом и сказала:

– Я сделаю все, что смогу, мистер Леттер.

Глава 21

Выйдя из классной комнаты, мисс Сильвер закрыла за собой дверь и немного постояла. Несмотря на спокойный внешний вид, мысли у нее были серьезными, беспокойными, и сейчас она задавалась вопросом, что делать дальше. Когда она поселялась в доме как частный детектив, то обычно старалась как можно быстрее установить контакт со всеми его обитателями. Подобно опытному кассиру в банке, способному определить фальшивую монету, она не раз убеждалась, что интуиция при этих первых контактах ее не подводит. Будучи умеренной во всем, мисс Сильвер не особенно полагалась на свои впечатления, проверяла их наблюдениями и рассудком. Она могла бы процитировать оценку различным типам людей, сделанную высокочтимым викторианским поэтом: «Хорошие среди вас есть и плохие, как медные среди монет и золотые».

Пока мисс Сильвер познакомилась лишь с двумя обитателями этого дома – с Джимми Леттером и его кузеном Энтони. Она взглянула на свои часы. Ровно семь. Скоро она, несомненно, познакомится и с остальными членами этой семьи. Ее метод состоял не в официальных разговорах, а в наблюдениях за непринужденным, насколько это возможно, общением родственников. Было бы приятно подняться в отведенную ей комнату, разобрать чемодан, привести в порядок вечернюю одежду, однако сперва нужно удостовериться, что старший инспектор Лэм и сержант Эббот все еще здесь, и тактично уведомить их о своем присутствии. Мисс Сильвер не хотела видаться с ними до разговора со своим клиентом, но, узнав от него, что он никак не подготовил их к ее приезду, теперь спешила показаться им.

Энтони Леттер по приезду показал ей, где находится кабинет, и сказал, что полицейские расположились там. Конечно, они могли покинуть дом, но это казалось сомнительным. Комната, из которой мисс Сильвер только что вышла, была классной. Энтони сказал ей и об этом: «Мой кузен укрылся в старой классной комнате».

Мисс Сильвер пошла по коридору в сторону кабинета, и когда почти поравнялась с ним, дверь открылась, и в проеме появился старший инспектор Лэм. Шедший за ним Фрэнк Эббот увидел, как ее лицо озарилось приветливой улыбкой. Она протянула руку, которую Лэм нехотя пожал, и любезно объявила, что рада этой встрече. При этом радость оказалась совершенно искренней. Ей приятно было встретить старого, уважаемого друга, и она принялась расспрашивать о членах семьи с подлинным интересом. Мисс Сильвер вспомнила, что миссис Лэм летом болела, и выразила надежду, что теперь выздоровела. Она знала его трех дочерей и очень хотела услышать о них последние новости. Мисс Сильвер помнила, что Миртил служила в женской вспомогательной службе ВВС, Вайолет во вспомогательной службе ВМС, а Лили в авиатехнической службе. Недавно Лили вышла замуж. Мисс Сильвер знала все и об этом. У молодого человека была хорошая должность в адвокатской конторе, и они были очень счастливы.

Фрэнк восторженно улыбнулся, а его шеф вскоре растаял и сообщил мисс Сильвер, что весной надеется стать дедушкой.

С ее поздравлениями предварительные переговоры пришли к концу. Compliments закончились, но атмосфера оставалась радушной. Лэм дружелюбно спросил:

– Можно поинтересоваться, что привело вас сюда?

Мисс Сильвер огляделась. Коридор выглядел безлюдным, но осторожность не мешает. Она вошла в кабинет, и мужчины последовали за ней. Когда Фрэнк закрыл дверь, она сообщила:

– Мистер Леттер мой клиент. Он приехал ко мне в прошлую субботу и сказал: его жена думает, что кто-то пытается ее отравить.

Лэм уставился на нее.

– Вот как?

Поведение мисс Сильвер стало чуть более сдержанным.

– Об этом и речь, старший инспектор. Если у вас есть свободное время, я ознакомлю вас с произошедшим. Но, разумеется, я не собираюсь вас задерживать.

– Нет-нет, – сказал Лэм, – рассказывайте.

Фрэнк Эббот придвинул ей кресло. Все сели.

Мисс Сильвер кашлянула.

– Разумеется, я посоветовала ему обратиться в полицию.

Фрэнк приподнял брови и закусил губу. «Разумеется!», повторенное инспектором, подвергло его серьезность большому испытанию. Сарказм не был характерной чертой шефа, и сейчас Лэм напомнил демонстрирующего ловкость слона.

– Его жена была против этого.

– Он так сказал?

– Он так сказал. Я передам содержание нашей беседы как можно точнее.

И мисс Сильвер рассказала об этой беседе отчетливым, размеренным голосом. Оба полицейских не сомневались, что ее рассказ окажется скрупулезно точным. Она не станет тратить лишних слов, но не упустит ни единой подробности. И действительно, они получили полное представление о ее разговоре с Джимми. В заключение мисс Сильвер добавила:

– Не знаю, как сочтете вы, но я твердо убеждена, что приступы рвоты у миссис Леттер были не серьезного свойства – скорее результатом злобной шутки. Симптомы были такими, какие создает простое рвотное средство, например, ипекакуана, и помимо указания на неприязнь к миссис Леттер, я не считаю их заслуживающими внимания. Миссис Леттер собиралась произвести в доме значительные перемены. Думаю, вы знаете, что миссис Стрит и мисс Мерсер должны были покинуть дом, и миссис Леттер хотела нанять полный штат прислуги. Мистер Леттер возражал против этого. Или, точнее, был недоволен этим. Мне показалось, что отношения в доме были натянутыми, и чем скорее стороны расстанутся, тем лучше. Я посоветовала ему не затягивать с этим. Еще сказала, что будет хорошо, если миссис Леттер станет есть и пить то же, что и все остальные. Мистер Леттер согласился, но сказал: «Она непременно будет пить свой кофе». Как, возможно, вы знаете, миссис Леттер пила кофе по-турецки, приготовленный специально для нее, остальные его не любили. Мистер Леттер сообщил, что с того субботнего вечера готовились две чашки кофе и он всегда брал одну из них – так было до вчерашнего вечера, когда миссис Леттер скончалась.

Заговорил Лэм:

– Да, тут есть одна молодая женщина, давшая показание относительно этих приступов. Она ветреная штучка, и я бы не доверял ей как свидетельнице, только никто не опровергает ее слова. Я сомневаюсь, узнали бы мы о приступах у миссис Леттер, если бы не эта Глэдис Марш – я только что говорил об этом Фрэнку. Но теперь кажется, что мистер Леттер приезжал к вам по их поводу, и вы решили, что это чья-то шутка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.